

Фонд № 387
И. С. Шмелева
Картон № 7
Ед. хран. № 5

Шмелев,
Иван Сергеевич
«Виноград» — рассказ

1913

Гранки с авторской правкой 18 л.
На л. 1 — помета И. С. Шмелева

Помяты, надорваны края нескольких листов.

Общее количество листов 18

Виноградъ.²

I.

Каждый изъ нихъ задалъ паспортъ и получилъ наказъ — во вторникъ, къ часу дня, быть на вокзалѣ, у багажной кассы: тамъ ихъ найдутъ и выдадутъ билеты на проѣздъ.

Первымъ явился бѣлоусый парень, въ новомъ синемъ картузѣ и поношеномъ пальтецѣ, съ узелкомъ; тутъ же подошла запыхавшаяся краснощекая дѣвушка съ большимъ бѣлымъ узломъ, который она тащила на животѣ. Стояли и приглядывались, озабоченно посматривали на часы, показывавшіе уже половину перваго, и сторожили двери. По черной косыночкѣ, узлу и жакету, съ большими отвисшими пуговицами, парень прикинулъ, что это, конечно, горничная,³ и спросилъ осторожно, — не въ Крымъ ли онѣ, къ господину Винду⁴?..

Дѣвушка отвѣтила оживленно и радостно:

— Какъ же, какъ же... въ Крымъ! И вы тоже въ Крымъ?!

— Какъ разъ тоже въ Крымъ! къ господину Винду, для пансіона! А вы сюда къ сторонкѣ, узелокъ-то... Часъ скоро, а вотъ... никакого результату...

Замѣтилъ, что она поглядываетъ на узелокъ, и рассказалъ, что все имущество оставилъ у брата, швейцара, на Басманной⁵, а тутъ, конечно, только самое необходимое. Тащить тоже въ такую далищу, когда, можетъ, еще и не уживешься! Настоящая его спеціальность — по номерамъ, но лѣтнее время — самый мертвый сезонъ, а самовары-то подавать по пансіону, — да чего же ихъ не подать! А звать его Васильемъ.

Дѣвушка рассказала, что все не рѣшалась ѣхать въ такую далищу, но господа уѣхали за границу до зимы, — гдѣ-нибудь надо же служить до ихъ пріѣзда! А звать ее Сашей, Александрой Петровной.

Говоря про за границу, она посмотрѣла на желтый носочекъ баретки, и Василю показалось, что сказала она это такъ, для шикю.

— Зато свѣтъ посмотрите! А,⁶ похоже⁷, и они къ намъ...

Къ нимъ подходилъ⁸ грузный, съ круглымъ, бритымъ лицомъ, въ широченной, съ отвисшими карманами, мохнатой курткѣ вишневаго цвѣта. Подошелъ, протяжно фуфукнулъ, задвинулъ съ пропотѣвшаго лба взъерошенную, подъ котика, шапку, бросилъ на полъ рыжій саквояжикъ и принялся вытираться краснымъ платкомъ.

Поглядѣлъ на узелъ, покосился на узелокъ, пылливо оглянулъ изъ-подъ бровей.

¹ Вверху на поляхъ записано: Провѣрено мною Ив. Шмелев.

12 окт. 1913 г.

Покрупнѣй и рѣже разставить буквы.

² Справа поставленъ авторскій знакъ V и сделана запись: Разсказъ.

³ запятая вписана.

⁴ Вместо: Винду - было: Видну

⁵ Вместо: на Басманной - было: на Басмановой

⁶ запятая вписана.

⁷ Вместо: похоже - было: похожи

⁸ Вместо: подходилъ - было: подходитъ

— Вы какъ... ѣхатъ, что-ль, къ кому порядились, а?

Отвѣтили оба, что въ Крымъ, къ господину Винду.

— У-гу! — сказалъ онъ, разматывая сѣрый шарфъ. — Горничная?

Спросилъ и парня, — онъ на какой⁹ предметъ. О себѣ самъ сказалъ, что поваръ. Съ мѣстами покончилъ, живетъ на спокоѣ у дочери — портнихи, та-акъ^{10 11} когда¹² ходитъ по разовымъ. А лѣтнее время¹³ какіе разовые!

— А, думаю... прокачусь до осени, замѣсто дачи!

Говорилъ¹⁴, посмѣиваясь, а они слышали, какъ пахнетъ отъ него сырмъ подваломъ.

— Въ часъ съ чѣмъ-то ему отходить, а никакого результату...

— Разъ ужъ пачпорта заданы, дѣло вѣрное... А, можетъ, еще и не поѣдемъ! Тоже, заберешься куда... — хрипло¹⁵ говорилъ поваръ и искалъ взглядами у дверей.

Тутъ всѣ увидали нанимавшаго ихъ довѣреннаго человѣка отъ господина Винда.

— Всѣ въ сборѣ? Трое... Значить, по билету третьяго класса и на харчи... по семь гривенъ. Какъ приѣдете, спрашивайте на станціи экипажъ отъ господина Винда, съ пансіона «Морской Берегъ». У васъ записано, а тамъ дано знать. А паспорта пересланы. Съ Богомъ!

II.

Устроились хорошо. Повару уступили мѣсто у окошечка, противъ него сѣла Саша. Василий уложилъ ея узелъ на полку и присѣлъ рядомъ. Замѣтилъ, что Саша обмахивается платочкомъ, и лицо у ней разгорѣлось, — предложилъ, было, опустить окно, но поваръ не посовѣтовалъ: сейчасъ прохватить.

Весна была поздняя: хотъ и конецъ апрѣля, а въ ночь выпалъ даже снѣжокъ и теперь быстро таялъ въ солнцѣ и остромъ вѣтрѣ.

— Вы теперь распотѣли, — сказалъ Сашѣ поваръ, — и во всемъ тѣлѣ у васъ воспаленіе... а вѣтеркомъ-то и охватить. Дочь у меня такъ-то вотъ, отъ собственной неосторожности... и теперь очень плохо, а четверо ребятъ... Ей бы вотъ въ Крымъ-то, да готовить не умѣютъ... хе-хе...

И когда рассказывалъ про дочь, разглядывая сѣренькія, въ пятнахъ, брюки, на него грустно смотрѣла Саша, и лицо у ней было вдумчиво-дѣтское: опустили уголки рта, задумалась ямочка на подбородкѣ, а нижняя губка подобралась. Взглянулъ¹⁶ на нее искоса Василий и обрадовался, что она такая¹⁷ и что ѣдетъ съ ними въ далекую дорогу. И голосъ ему нравился — грудной, разсыпчатый, и чуть взбитые русые волосы, и бровки покойной дужкой, и маленькая бирюза въ розовой мочкѣ уха.

⁹ *Вместо:* какой - *было:* кокой

¹⁰ *Вместо:* та-акъ - *было:* такъ

¹¹ *Далее было:* запятая

¹² *Далее было:* запятая

¹³ *Далее было:* запятая

¹⁴ *Вместо:* Говорилъ - *было:* Говоилъ

¹⁵ *хрипло вписано.*

¹⁶ *Вместо:* Взглянулъ - *было:* Взглянулъ

¹⁷ *Далее было:* запятая

— А чайник—то у кого есть? — спросил поварь. — Какъ-же это вы, братики, сплеховали!.. А вѣдь у меня и чай есть...

Смотрѣли другъ на друга. Тогда Василиій сказалъ, что можно купить въ буфетѣ, и побѣжалъ, а они, пока онъ ходилъ, все безпокоились, какъ-бы не опоздалъ. Но онъ прибѣжалъ со вторымъ звонкомъ, весело барабана въ донышко, и тогда всѣ развеселились. Чайникъ очень понравился, поварь обстучалъ его съ бочковъ и сказалъ, что тридцать копеекъ на вокзалѣ — прямо божеская цѣна. Отдали Василию по гривенничку.

Тотъ досталъ жестяной портсигаръ, съ тройкой на крышечкѣ, справился у Саши, не повредить ли дымъ, и ей это было пріятно. Угостилъ повара. Тотъ взялъ для баловства и рассказалъ, что, бывало, курилъ сигары рубль сотня, но теперь бросилъ изъ-за груди. Досталъ табакерочку и запустилъ. Угостился для потѣхи и Василиій. Смѣялись и не слышали, какъ пробилъ третій звонокъ.

— Вотъ и поѣхали въ путь—дорожку — сказалъ поварь и покрестился.

— Теперь¹⁸ ужъ безповоротно, Александра Петровна! — сказалъ Василиій. — Теперь всякихъ фруктовъ покушаете. А мы сейчасъ, какъ станція, чайничекъ закипятимъ и будемъ чаекъ попивать да въ окошечки смотрѣть. И вотъ у насъ только почку еще разбиваетъ, а тамъ ужъ обязательно всякіе цвѣты!

Поварь хмуро смотрѣлъ на завертывавшіяся черныя полосы полей, на побурѣвшія, переходящія въ прозелень рощи. Уже выбѣгала на солнечные откосы остренькая веселая травка. Кололо глаза съ лужъ и канавъ, доверху налитыхъ бурой, еще студеной водой. Въ солнечномъ затишьи, по станціямъ, зелено золотились сквозныя березки. А когда поѣздъ стоялъ въ чуткой весенней тиши, ожидая неизвѣстно чего и гулко вздыхая, черезъ опущенное, пригрѣтое солнцемъ окно вливался суетливый гомонъ грачей на гнѣздахъ и слабый—слабый запахъ первой травы.

Закусывали. У Василия нашлись въ узелкѣ печеныя яйца, поварь предложилъ не побрезговать солонинкой, которую вкусно порѣзалъ тонюшенькими ломтиками, а Саша порылась въ узлу и конфузливо попросила покушать домашнихъ пирожковъ съ ливеромъ, которые поварь назвалъ отмѣнными.

— Какъ-же... вѣдь у меня тетенька очень замѣчательная бѣлая кухарка...

— Угу!... — сказалъ поварь. — Чуть подсушила.

На большихъ остановкахъ выходили смотрѣть, какъ въ буфетѣ, — интересовался поварь, — и просили блѣднаго молодого человѣка сосѣда¹⁹ поприглядѣть за вещами. Въ буфетѣ поварь присматривался къ сервировкѣ и прикидывалъ, какъ обстоитъ на порціонномъ столѣ, за которымъ показывали работу повара въ бѣлыхъ колпакахъ. Покрякивалъ и кривилъ ротъ.²⁰ Кое-что хвалилъ. Въ Тулѣ ему понравилось, какъ даны отбивныя котлеты, хотя гарниръ призналъ немудрящимъ; въ Скуратовѣ заявилъ, что розбифъ передержали и рѣзать его здѣсь не умѣютъ.

¹⁸ В тексте ошибочно: Трперъ

¹⁹ сосѣда вписано.

²⁰ Вместо: ротъ. — Было: губы.

Передъ ночью еще попили чайку съ бѣлымъ хлѣбомъ. Василиій подкинулъ Сашѣ на колѣни апельсинъ и смѣялся, что, должно быть, выпало изъ узла. Тутъ поварь показалъ штуку: надрѣзалъ кожицу, отогнулъ съ сердечка, расправилъ дольки, и вышло точно пирожное какое.

— Цвѣты у насъ въ деревнѣ такіе похожіе, на глыби растутъ, — сказала Саша. — Купальницы называются...

— А вы сами откуда будете?

— Я — тверская.

Къ ночи немного взгрустнулось. Въ долгихъ сумеркахъ чуть намекали желтые огоньки по невиднымъ деревенькамъ, а въ заходѣвшемъ сиреновомъ небѣ проступили бѣлые огоньки. Саша грызла подсолнушки и бездумно смотрѣла въ засинѣвшееся окно.

— Чешеть-то какъ! — сказалъ поварь. — Къ утру-то, гдѣ-э будемъ!

— Теперь съ каждой верстой все теплѣй пойдетъ... югъ! — отозвался Василиій.

Засвѣжѣла заря, запотѣло, зачернѣло окно, и ничего не стало видно.

Василиій рассказывалъ, что жить при номерахъ выгодно, но только очень безпокойно, а съ осени постарается приискать настоящее какое мѣсто: въ банкѣ вотъ хорошо служить, или швейцаромъ куда въ большой домъ съ подъемной машиной: доходъ очень хорошій, и днемъ и ночью доходъ. Вотъ какъ у брата, на Басманной.

Разсказала о себѣ и Саша.

Два года она въ горничныхъ и смѣнила уже третье мѣсто. У чиновника жила, на трехъ дѣтяхъ, — стиркой замучили и жалованья за два мѣсяца не отдали: у барина душевная болѣзнь въ головѣ стала, — такъ и не отдали двѣнадцать рублей. Потомъ у богатаго лавочника служила, на Зацѣпѣ. У него два сына въ коммерческомъ училищѣ учились, долги да нескладные, какъ дураки какіе. Ну, нельзя стало служить черезъ нихъ.

— А дѣвочка ты приглядная, — сказалъ поварь. Бываетъ, что и счастье находятъ, а то и...

— Очень безобразники есть...

— Послужили-бы въ номерахъ! — сказалъ Василиій. — Одинъ у насъ въ «Электрѣ» стоялъ... нельзя даже громко сказать!

И о себѣ сообщилъ поварь.

Поварь онъ замѣчательный, служилъ и въ первыхъ ресторанахъ, и у камеръ-юнкеръ Вострухина, — возлѣ Арбата цѣлый его кварталъ домовъ, — и у вдовы тайнаго совѣтника

// л. 2

Фонтенгрось, — все по хорошимъ мѣстамъ. Потомъ дошелъ до бѣдственнаго состоянія. И не то, чтобы до бѣдственнаго, а такъ... много всякихъ причинъ.

— Такъ... разными путями дошелъ до бѣдственнаго состоянія. А-а, думаю себѣ, буду ходить по разовымъ, съ воли! И потомъ часто въ больницѣ лежалъ. Передъ

Пасхой я четыре недѣли испытывалъ болѣзненное состояніе... и попалась намъ кварте-ра²¹... даже съ потолокъ лъетъ. А-а, думаю себѣ, поѣду сушиться!

— Въ сыромъ мѣстѣ жили... — вздохнула²² Саша. — Очень квартиры дороги.

— Да что дешево-то?! Скоро какъ въ Америкѣ будетъ... меньше рубля и денегъ не будутъ дѣлать. Потому нечего будетъ покупать.

Стали укладываться спать. Поваръ снялъ съ себя вишневую куртку, отчего еще острѣе запахло сыростью, постелилъ, а вголова сунулъ саквояжъ. Саша пожалѣла и достала ему изъ узла маленькую розовую подушку.

— Вотъ благодарю, коли лишняя. А то внучка мнѣ все наказывала: «Возьми, дѣдушка, пухову подушку!» — А у меня хо-рошая подушка, утячьего пуху... При моемъ дѣлѣ у меня столько подушекъ было, хоть весь вагонъ завали! А-а, думаю себѣ, еще скрадутъ изъ вагона-то: ей цѣна-то безъ торгу семь-восемь рублей. И не взялъ. А тамъ, думаю, какъ пріѣду, съномъ мѣшочекъ какой натрясу, и скипѣло...

— У меня тоже подушка была, очень замѣчательная... но, конечно, перовая... — сказалъ, зѣвая, Василій. — Только мнѣ уходить, то-се, — унесъ кой-то! Да при моемъ дѣлѣ она и не требуется при себѣ. У насъ такія правила, что въ каждахъ номерахъ хозяинъ обязательно долженъ предоставлять подушку...

Онъ полѣзъ навверхъ, сунулъ подъ голову узелокъ и накрылся пальтецомъ. И только хотѣлъ зѣвнуть, услыхаль, что трогаютъ за плечо. Оглянулся и увидалъ маленькую розовую подушку.

— У меня еще одна маленькая, а большую я себѣ...

— Да узелокъ у меня мягкій! Ну, спасибо... очень вами благодарень²³.

Только легъ поваръ, — началъ бить его кашель. Кашель былъ нутряной, затяжной и такой нудный, что всѣмъ хотѣлось поскорѣй откашляться за повара. Прислушивались и ждали, когда кончить.

— Задушилъ проклятый... Какъ ночь, откуда возьмется...

— Въ Крымѣ вамъ обязательно выйдетъ облегченіе! — ободрилъ Василій. — Тамъ климатъ очень замѣчательный.

— Его... окаяннаго... фф-у... ничто не беретъ...

Сѣлъ, нагнулъ голову въ колѣни и кашлялъ. Тутъ принялся кашлять и молодой человекъ, устроившійся надъ поваромъ. Саша фыркнула, — разобралъ ее смѣхъ: точно хотѣли они другъ друга перекашлять.

Такъ прошло много времени. Спалъ вагонъ. Сашина рука свѣсилась до полу, съ золотенькимъ колечкомъ²⁴ на пальцѣ, и рукавъ жакета свѣсился. А поваръ все сидѣлъ, мучительно оглядывалъ полутемный вагонъ и вздыхалъ. Смотрѣлъ какъ за чернымъ стекломъ летѣли назадъ струйками искры. Только передъ утромъ уснулъ.

Утро встрѣтило ихъ за Курскомъ степнымъ просторомъ, юной зеленою придорожныхъ ветель, зеленой дымкой березъ, полнымъ солнцемъ, голубымъ небомъ и ослѣпляющимъ блескомъ лужъ ночью прошедшаго здѣсь бурнаго

²¹ *Вместо:* кварте-ра - *было:* квартира

²² *Вместо:* вздохнула - *было:* сказала

²³ *Вместо:* благодарень - *было:* благодарень

²⁴ *В тексте ошибочно:* колечкомъ

ливня. Сытымъ покоемъ глядѣли на нихъ черныя полосы степныхъ пашень²⁵. Обрадовали чѣмъ-то знакомымъ и новымъ бѣлыя хаты на пригоркахъ, съ тихо курящимися голубыми дымками, съ кудрявыми вербами въ низинкахъ. Благословили огромными сѣрыми крестами незнаемые вѣтряки... И всюду даль, куда ни погляди, — даль безъ края.

Саша высунулась въ окно, во встрѣчный, рѣжущій вѣтеръ. Защурилась.

— Летимъ-то какъ, матушки!

Поваръ привсталъ за ея спиной и смотрѣлъ.

— Во-онѣ они, гдѣ хохлы-то зачинаются...

И Василиій смотрѣлъ, и, опустивъ ноги съ полки, смотрѣлъ черезъ головы молодой человѣкъ, измятый безсонной ночью.

На маленькой станціи, въ солнечной тишинѣ и парномъ воздухѣ, Саша услышала жаворонка. Увидала сѣро-бѣлыхъ воловъ, остановившихся на черномъ бутрѣ, смотрѣла на нихъ новыми глазами; и волю, какъ-будто, смотрѣли на нее, завернувъ шеи. Все было ново, пригоже и радостно, и веселы были тонкіе голоса хохлушекъ, продававшихъ левашники, и радостны были пучочки незнакомыхъ синихъ цвѣтовъ.

— Ужъ и цвѣты здѣсь!

— Потому что здѣсь теплый югъ, — сказалъ Василиій и купилъ за копейку у дѣвочки въ красномъ платочкѣ синій букетикъ. — Взамѣнь подушки вамъ...

— И что это вы расходуетесь!

На большой станціи поваръ неожиданно встрѣтилъ за порціоннымъ столомъ знакомаго, съ которымъ когда-то служилъ въ судаковскомъ трактирѣ. И такая досада — встрѣтилъ передъ звонкомъ, не успѣли поговорить. Только и удалось сказать, что ѣдетъ по приглашенію въ Крымъ на хорошее мѣсто, на шестьдесятъ²⁶ рублей. Оглянулся — не слышитъ ли кто.

Грызли подсолнухи, чайничали да глядѣли въ окошко. Такъ было хорошо: и высокіе журавли колодцевъ, и мѣловые холмы, точно горы муки, и радостно-жуткая бѣготня по звонку, и испуганное лицо повара въ окнѣ.

— Чуть, вѣдь, не уѣхалъ!

— ²⁷ Всю бы жизнь ѣздила!

Отъ бѣготни растрепались²⁸ волосы, и она попросила Василиія поддержать зеркальце въ фольговой рамочкѣ. Василиій

// л. 3

баловалъ зеркальцемъ, наводилъ зайчика въ глазъ, а поваръ смѣялся: парикмахерское заведеніе открылось²⁹. Только молодой человѣкъ косился изъ угла, желтый и злой, — казалось Сашѣ.

Въ Мелитополѣ Василиій принесъ на желтой бумажкѣ тройку горячихъ пирожковъ трубочками, и Саша опять сказала:

²⁵ Так в тексте.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Далее было: Такъ хорошо!

²⁸ В тексте ошибочно: растрепатись

²⁹ открылось вписано.

— И что вы расходуетесь!

А потомъ и сама купила пирогъ съ желтымъ творогомъ и угостила. Тогда и поваръ попотчевалъ клюквеннымъ квасомъ.

Вечеромъ захрустѣлъ на станціяхъ песокъ—ракушникъ, а къ ночи узнали, что поѣздъ уже въ Крыму. Въ воздухѣ было новое, какъ—будто, горечь, и губы были солоноваты.

Ночь была темная—темная и мягкая, какъ бархатъ. Не было ничего видно, только звѣзды: яркія—яркія, какъ зимой. И названія станцій были не русскія: Сивашъ, Джанкой.

— Смотрите—ка, Александра Петровна! «Джан—кой»! Какой!

Они не ложились въ эту ночь. Да и какъ можно ложиться, когда въ самой ночи живеть что—то, что вотъ—вотъ выставится изъ черноты, и они все узнають. Какъ въ сказкѣ дѣтской: а что дальше? Они соскакивали на каждой остановкѣ, пробѣгали по пустынной платформѣ, ожидая что—то найти, особенное. Оглядывали небо — а оно какъ здѣсь? А съ бѣлой дощечки у фонаря говорило ихъ странное: Курманъ—Кемельчи! Бѣжали въ вагонъ, какъ вспугнутые мыши, и Василій поддерживалъ подъ локоть.

— Не оступитесь, будьте любезны... тутъ порожекъ.

И казалось ему, что глаза у Саши черные и большіе—большіе, и губы черныя. Говорилъ ей:

— Вотъ хорошо, что мы съ вами ѣдемъ!

Она спрашивала лукаво, запахиваясь жакетомъ внакидку:

— А почему вамъ нравится?

— Очень хорошо!

Поваръ тоже не спалъ: и кашель, и беспокойство точило. Забраться въ такую даль!

— Скоро море—то ваше будетъ? Ѣдемъ—ѣдемъ — всю голову разломило.

Перекладывалъ въ саквояжикѣ. На верхней лавочкѣ кашлялъ и стоналъ во снѣ молодой человекъ.

— Да—а... Теперь у меня, на Пятницкой, всѣ—то спятъ... Внучка у меня младшенькая — у—умная, шельма. Ластилась все, какъ собираться мнѣ, а потомъ какъ уцѣпится... Бѣда имъ теперь безъ меня. Мать раздражительная...

Въ пятомъ часу, еще затемно, имъ сказали, что здѣсь высаживаться.

III.

Въ свѣтлѣющемъ темносинемъ небѣ они увидали высокія темныя колонны: затаившись въ предутреннемъ снѣ, стояли тополя надъ низкой казармой станціи. Тихая теплынь, непривычная въ эту пору, сказала имъ, что они въ далекой сторонѣ. Стояли на сѣромъ асфальтѣ, провожая куда—то еще въ большую даль забирающійся поѣздъ, съ непотушеннымъ краснымъ огнемъ на хвостѣ.

Куда—жъ теперь?

Они прошли на крыльцо станціи и увидали, что и здѣсь то же, что и вездѣ, — люди и лошади. И, какъ и вездѣ, люди кричали, что надо ѣхать. Были они въ черныхъ и рыжихъ пиджакахъ, съ знакомыми кнутами и въ шапкахъ, и не турки,

какъ, было, подумалъ поваръ, а татары, толкались, какъ мужики на базарѣ, и кричали въ лицо. И даже называли знакомое мѣсто, записанное у повара³⁰ на бумажкѣ. И стало совсѣмъ легко, когда закричалъ одинъ, маленькій и косоглазый,³¹ широкій, съ щетинистыми усами, схватилъ повара за руку и потянулъ:

— И-брагимъ! И-брагимъ! Видѣть пансіонъ я! Три, три! Москва пріѣхалъ!?!..

Они пошли за нимъ къ маленькой линейкѣ въ парѣ пѣгихъ коней. И тутъ опять кричалъ Ибрагимъ, напряживая на шеѣ жилы и махая на станцію:

— Багажъ давай!

— Ни! — мотнулъ головой поваръ.

— Твой багажъ давай! карзинъ, чимодамъ! — кричалъ Ибрагимъ Сашѣ, которая держала бѣлый узелъ на животѣ.

Смѣялись и отмахивались. Тогда Ибрагимъ тоже сталъ смѣяться и махать руками, взялъ узелъ и прикрутилъ веревкой къ задку. А они осматривались въ освѣтлѣвшемъ днѣ и видѣли знакомыхъ воробьевъ подъ лошадьми и голубей на крышѣ, и потертыя коляски, въ которыхъ въ Москвѣ ѣздятъ на похороны. Все было знакомое, только небо было куда синей, да зелеными столбами вытянулись деревья, да сразу наступило лѣто.

— Тепло-то какъ, а еще и солнышка не видать...

Но оно уже подымалось гдѣ-то — прокладывало въ тополевымъ вершинахъ золотисто-алыя пятна.

А когда ѣхали по пустымъ улицамъ бѣлаго городка, съ заборами изъ камня, съ окнами въ рѣшетчатыхъ ставняхъ, съ зелеными садами, — увидали невысокое солнце, розовый шаръ, знакомый съ дѣтства. И городокъ былъ теперь золотисто-розовый и милый, хоть и незнаемый городокъ.

Выѣхали, — и пошли облитыя солнцемъ зеленыя долинки, зеленыя взгорья, зеленые сады по сторонамъ бѣлой, какъ мѣлъ, дороги; и незнаемая рѣчушка, вся въ камняхъ, и красные брызги зацвѣтающаго мака, и полосы голубого синяка, точно выкинули на луга длинныя, густо засиненныя простыни. То какія-то красноватыя птички у дороги, — жаворонки ли, овсянки ли, — Богъ вѣсть; то вдругъ охватывало и сладкимъ, и горькимъ духомъ. Жасминъ ли то или фіалочный

// л. 4

духъ? И не жасминъ, не фіалочный, а незнакомый какой-то: нето миндалемъ, нето монпансье пахнетъ, нето похоже на вѣра-виолеттъ. Не знала Саша. А это съ загородей потягивало, съ путаныхъ кустовъ по заборамъ, съ бѣлыхъ цвѣтовъ.

А впереди что такое — большое, темное? А впереди — горы. Ушли подъ самое небо, закрыли даль, только онѣ и есть. Стоять и смотреть, какъ катитъ въ клубочкѣ пыли маленькая, какъ козявочка, линейка, и чуть-чуть видать, кто на ней. А кто они, маленькіе, какъ маковинки, откуда, зачѣмъ, — развѣ имъ нужно? Стоять и смотреть, сизыя и невѣдомыя тоже. А если долго смотрѣть, долго-долго,

³⁰ В тексте ошибочно: у повора

³¹ косоглазый, вписано.

такъ что въ глазахъ протянется сѣтка, — почуеться убѣгающая мысль, что всѣ онѣ видятъ и знаютъ, потому что стары–стары. Такъ стары, что перестали дивиться. Только смотрятъ.

Обогнали телѣгу съ маленькимъ татарчонкомъ въ большой шапкѣ, посмѣялись на татарчонка. А тутъ подступили къ дорогѣ лѣса, подымающіеся изъ овраговъ, зеленые, залитые солнцемъ...

Съ перевала увидали вдругъ впереди и внизу — синее...

Такъ вотъ оно какое, море!..

Ибрагимъ возился у колеса, подкладывалъ желѣзный тормазъ. А они глядѣли въ нежданно открывшуюся имъ огромную дверь.

...Жилъ старикъ со старухой у самого синяго моря...

Вотъ оно какое... Господи, да какое же оно синее, большое!.. И кто его такъ засинилъ, и чѣмъ засинилъ?!

Синее...

— Во-отъ! — сказалъ Василій и засмѣялся. — Вотъ замѣчательно!

— Какое... ма-а-тушки!..

Только и сказала Саша. Смотрѣла безъ словъ. И отозвалась въ ней, чуть-чуть, знакомое, какъ-будто, такое похожее цвѣтомъ, — синька въ корытѣ... А глаза жадно вбирали это новое и знакомое, это безкрайное корыто съ синькой.

— А ужъ и кручъ! — сказалъ тряхнувъ головой,³² поваръ.

И горы рядомъ — влѣво горы, вправо горы, высокія, никогда не вѣдешь на нихъ. И снѣга по щелямъ, сверкающіе, какъ вымытое бѣлье.

Винтами и петлями побѣжала внизъ бѣлая дорога на синее море, а оно яснѣло и вливалось въ глаза. Влилось, - и никогда не уйдетъ теперь, хоть потеряй глаза, хоть уткнись въ темный уголъ на весь вѣкъ свой. Корыто ли съ синькой увидить взглядъ, къ небу ли подымутся усталые глаза, — встанетъ оно, живое, и вольтетъ въ душу. Все цѣликомъ, огромное. Придетъ изъ-за тысячъ верстъ и вольтетъ. Въ снахъ придетъ теперь и вольтетъ.

IV.

Тридцать комнатъ было въ пансіонѣ, съ балконами и такъ, на море и къ горамъ, смотря по цѣнѣ; на солнце и въ холодокъ, кто какъ любить. И со всѣми удобствами. Такъ говорила вивѣска на берегу, закрывшая половину моря, если смотрѣтъ съ шоссе, — бѣлымъ по синему:

Пансіонъ Винда — «Морской Берегъ».

Были здѣсь усыпанныя гравіемъ площадки, бѣлые домики въ зелени, аллеики кипарисовъ, цвѣтушіе олеандры въ кадкахъ, застекляенныя веранды...

Подробно рассказывалъ объ этомъ пріѣзжимъ самъ Виндъ круглый и румяный, какъ колобокъ.

...Лучшаго пансіона нѣтъ въ окрестностяхъ! Это всѣмъ извѣстно, и не стоитъ объ этомъ говорить. Видъ на море! Кто никогда еще не видалъ моря и поглядитъ на него съ этой площадки, тогда и два, и три мѣсяца будетъ смотрѣтъ и не устанетъ. Самъ онъ уже одиннадцатый годъ смотритъ и все смотритъ. А чего стоило! Къ

³² тряхнувъ головой, *вписано*.

землѣ приступу нѣтъ, и приходится снимать въ аренду. И вино не его, пансіонъ беретъ изъ сосѣдняго подвала, — только подняться на верхнюю площадку. Такое вино и такой виноградъ, какихъ нигдѣ нѣтъ, — почва такая! А всѣ эти площадки въ горѣ, лѣсенки, кипарисы, персики, миндаль!.. А что было! Пустырь, держи — дерево да кизиль и всякая дрянь. Далеко до моря! Всего-то минутъ десять по рѣчкѣ, въ холодкѣ. Зато весь пляжъ на ладонкѣ, а въ трубу, — она на площадкѣ, гдѣ дорожка къ подвалу, — такъ въ нее все, все... даже, какъ чабаны на горахъ папироски крутятъ. А если на пляжъ, такъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, самые даже ноготки на ножкахъ!.. Зато, когда штормъ, — ти-ши-на... Для нервныхъ-то людей! А простота! Капоты, блузки... Пошло все демократическое время!

— Да, да! Теперь скоро хлынетъ вся... — да, да, я хорошо говорю по-русски... вся дѣловая... вся работающая Россія! И скоро всѣ эти горы, и тамъ все-все подъ пансіоны, подъ пансіоны... Здоровье нужно, здоровье!

Очень подробно рассказывалъ о столѣ.

— Да, да! Замѣтательный поваръ, изъ Москвы! Въ прошлогоднемъ году была бѣлая кухарка, но развѣ можетъ бѣлая кухарка... А, вы со вчерашняго дня только. Значитъ, еще не пробовали фаршированные кабачки! А морковій соусъ! Вотъ случай былъ смѣшной... Жилъ тутъ генералъ одинъ, чудной такой старичокъ, — не могъ ничего морковьяго! И, знаете, съѣлъ морковье пюре, принялъ за тертую цвѣтную капусту, да, да!

За мѣсяцъ приглядѣлись и привыкли къ морю, какъ привыкаютъ къ небу. И къ горамъ приглядѣлись: всегда онѣ передъ глазами, точно и нѣтъ ихъ. И къ бѣлымъ крыльямъ на морѣ — парусамъ далекихъ баркасовъ. Есть они и нѣтъ ихъ.

И побѣжали дни, точно и ихъ не было, вливаясь одинъ

// л. 5

въ другой, всѣ одинаково солнечные, жаркіе, безъ отмѣтинки.

Съ шести утра Василій принимался за самовары. Налаживалъ во дворикѣ, у кухни, десятокъ пузатенькихъ, сверкающихъ никкелемъ, весело стрекочущихъ искорками. Стояли они рядкомъ, съ косыми черными трубами на перекладинкѣ, и издали казались похожими на круглыхъ серебряныхъ жуковъ съ долгими хоботками. Они вразъ начинали потрескивать, шумѣть и фыркать. Вразъ со всѣхъ онъ сбрасывалъ трубы, подкладывалъ уголья, и когда начинало бурлить и бить паромъ, накрывалъ крышечками накость, и тогда самоварчики принимали лихой и задорный видъ, точно хорошо начищенные къ смотру и теперь загулявшіе строевые. Съ³³ пузатыхъ бочковъ ихъ били яркія солнца, смотрѣли въ синее небо черныя иголки кипарисовъ, далеко позади — маленькія желтыя горы, и совсѣмъ близко десятокъ расплывшихся красныхъ рожъ широкими ртами смѣялся³⁴ Василию изъ этой шеренги.

Выходилъ изъ прикухоннаго чуланчика поваръ, скребъ синія щеки и долго прокашливался.

— Пора и за кабачками на базаръ, покуда не растащили...

³³ Вместо: Съ - было: Въ

³⁴ Вместо: смѣялся - было: смѣялись

А изъ-за розовой стѣнки олеандровъ уже кричала Виндиха:

— Василій, буди пово́ра для базара!

— Нанялся ходить за ней по базарамъ... травоѣды несчастные!

Надѣвалъ вишневую куртку, забиралъ пару карзинъ и дожидался на лавочкѣ. Рассказывалъ Василю, какъ, бывало, закупалъ въ Охотномъ.

— И табуреточку, и папиросками угощаютъ. Только показываешь, — дичи тамъ, рыбы ли, — все первый сортъ, густое... И за извозчика заплатитъ... Да, опять сегодня... какъ ее... буренькая-то...

Вспоминалъ про сколопендру.

— Опять одну задавилъ, съ вершочекъ... подъ самый бокъ пролѣзла. Намедни, слышу, жукаетъ по кастрюлькѣ, лапками стучитъ, а ходу-то ей и нѣтъ. Ахъ ты, стерва! Зашпарилъ.

Смотрѣлъ на море, на далекія паруса.

— И что они тамъ ѣздютъ... товары, что ли, какіе возятъ куда?.. И лѣнивый же здѣсь народъ. Все въ холодкѣ, по кофейнямъ... Откуда только деньги достаютъ... Нѣтъ, не ндравится мнѣ здѣшній народъ... та-акъ, какіе-то непонятные. Много-ль самоваровъ-то теперь?

— Двадцать два. Еще вчера пара набѣжала.

— Да-а, попьютъ чайку...

Хорошо посидѣть въ голубомъ холодкѣ, потолковать, попить чайку изъ сверкающаго самоварчика, но уже слышно, какъ Виндъ горячо разговариваетъ съ Виндихой; торгуется, должно быть, — покупать ли рыбу или бараниной обойтись.

— Баранки вотъ здѣсь хорошія пекутъ... какія-то онѣ... вродѣ, какъ пустыи...

Выбѣгала изъ своей комнатки, бокъ-о-бокъ съ кухней, Саша, умывалась изъ ковшичка, заправивъ въ колѣни голубую юбку. Терла румяныя щеки, брызгала и на Василю, и на Султанку, которая подлизывала у ея ногъ, въ ямкѣ.

— Пошла голубая баловаться...

— Съ добрымъ утромъ, Мартынъ Егорычъ! На базаръ собрались?

— За сѣномъ ѣдемъ.

— Ха-ха-ха...

Шуршали камушки подъ ногами — шла Виндиха.

— Эхъ, растащутъ всѣ наши кабачки!

— Ха-ха-ха...

А по аллеякѣ, поскрипывая карзиной, уже подымался татаринъ отъ пекаря — несъ горячіе бублики.

Съ углового балкона кричалъ бухгалтеръ изъ Харькова:

- Василій, — нельзя-ли самоварчикъ?!

— Значитъ, нельзя, коли не скипѣлъ...

Слышали только самовары!

До двадцати номеровъ пили свой чай, по комнатамъ.

Первымъ шелъ самоваръ въ дальній флигель, на горку, къ консервному фабриканту изъ Одессы, который подымался въ шестомъ часу, прогуливался по саду, отпивая глоточками изъ стаканчика, и потягивалъ надушенный за ночь горами воздухъ. Шелъ къ сараю, гдѣ спалъ Василій, и стучалъ въ стѣнку:

— Самоварчикъ бы.

Потомъ требовался самоваръ бухгалтеру, а тамъ уже начинались семичасники: бѣлотѣлая вдова изъ Тамбова, день-деньской покупавшая чадры, шали и венеціанскіе товары, и ея двоюродный братъ, сосѣдъ по комнатѣ, котораго она подымала пить чай въ компаніи. За ними шель самоваръ Горѣлому, аптекарю изъ Конотопа, который сжегъ себѣ спину на солнцѣ, и батюшкѣ изъ Екатеринослава.

Батюшка выходилъ на свой балкончикъ въ бѣломъ подрясникѣ, расчесывался большимъ гребнемъ на солнышкѣ и привѣтствовалъ вдову съ прекрасной погодой.

— Дивная погода!

Замѣчалъ аптекаря и кричалъ, сложивъ трубочкой руки у рта:

— Ну, какъ ваша спина?

— Благодарю васъ, подживаетъ! — отвѣчалъ съ дальняго балкона аптекарь.

// л. 6

Пили чай и переговаривались съ балконовъ. Вдова пряталась подъ зеленую чадру отъ загара и показывала на море:

— Какъ-будто оно дышетъ... какъ живо-е...

Батюшка поворачивался къ морю со стаканомъ чая, вглядывался и хвалилъ:³⁵

— Именно! Подумаешь, сколь много дивнаго и чуднаго въ природѣ...

Наступалъ перерывъ до восьми, когда начинали сыпаться роємъ, и нужно было заряжать добавочные, подгоняя тугихъ на керосинѣ. А пока набирали пару, у стѣнки поджидали штилеты — семь паръ, порученные съ коробочками мази, только батюшка наказывалъ чистить ваксой.

Разъ-разъ... шмыгъ-шмыгъ...

Когда сыроваты, щетка ходила медленно, а въ головѣ намекала пѣсенка — «какъ у на-шихъ у во-ротъ»... — а когда яснѣли носочки, щетка веселѣй ерзала: «ай, барыня-барыня!»

Проходилъ въ необходимое мѣсто бритый, въ зыбкихъ чесучевыхъ штанахъ, самая заводиловка по ночному пѣнію. Свистунъ. Шель, посвистывая, а, возвращаясь, пощелкивалъ.

— Мил-лордъ, дав-вайте самова-арчикъ... скорѣй-скорѣй, скорѣй-скорѣй-скорѣй!

И казалось Василию, что на этотъ голосъ поется «Вотъ мчится тройка почтова-ая...»

А тутъ, видимый отъ кухни, появлялся на балкончикѣ лѣваго флигеля, во второмъ этажѣ, учитель Дроздовъ, черный, въ бѣлой рубахѣ съ открытымъ воротомъ, и начиналъ гимнастику. Съ нимъ Василий переговаривался:

— Самоваръ, пожалуйста!

— Готовъ-съ!

Потомъ самоваръ Ивану Семенычу изъ одиннадцатаго номера, и еще другому Ивану Семеновичу, въ желтыхъ башмачкахъ.

³⁵ Далее поставлен знак абзаца.

А между самоварами пробѣгалъ вѣничкомъ то по сѣренскимъ брюкамъ учителя Дроздова, то по зеленымъ, въ діагональ и на штрипкахъ, студента Бока, то <п>о широченнымъ и тяжелымъ, суконнымъ, нотаріуса изъ Оренбурга, который вывѣшивалъ ихъ загодя, съ вечера, на гвоздикъ у двери — «баринъ дома».

Послѣ девяти требовали лѣнивые: толстая докторша съ дѣвочками, заводчица Капустина съ дочерьми, трефовый король. Услыхалъ разъ Василій, какъ про лѣсничаго изъ седьмого номера сказали барышни Капустины: «трефовый король идетъ», — и самъ³⁶ сталъ звать трефовымъ королемъ. Прибѣгала торопливая учительница въ розовой кофточкѣ, съ желтымъ поясомъ, прикладывала руки къ поясу и просила:

— Пожалуйста... будьте добры... самоварчикъ намъ...

Прибѣгалъ босоногій Вовочка въ матросскомъ костюмчикѣ, засматривалъ въ кухню, — гдѣ тутъ поварь, — сучилъ ножками и картавилъ:

— А папочка говоить... а что намъ самой не даютъ...

Приходилъ тяжелый, мясистый Кока, въ фуражкѣ министерства финансовъ и точно забивалъ гвозди:

— Дадите вы намъ... когда-нибудь... самоваръ!!

И еще подавались самовары и перелеталъ Василій съ площадки на площадку, мелькая по лѣсенкамъ оранжевыми скороходами, и еще сверкало солнце подмышкой, въ круглыхъ подносахъ, швыряясь зайчиками то въ окно, то въ бѣлыя стѣны флигелей, и еще не всѣ серебряные жуки собрались на кухонную площадку вытряхиваться и чиститься, а по дорожкамъ, въ кипарисовыхъ аллеяхъ, уже играли цвѣтныя пятна — алыя, голубыя, желтыя, бѣлыя: спускались къ морю. А навстрѣчу — черныя и бѣлыя — итальянцы съ «о-бои-маршэ» и армяне съ воздушными. Шли фотографы съ ящиками, татары съ черешней и ранними абрикосами и крѣпко загорѣвшіе господа въ котелкахъ, съ булавками въ яркихъ галстукахъ, съ англійскими саквояжами, — уральскіе камни.

Консервный фабрикантъ выбирался съ подушкой на солнечную площадку, запеленывался въ черное полотнище³⁷ и укладывался на диванчикъ подъ бѣлымъ зонтомъ: грѣлъ почки.

— Пала черная тѣнь! начинается день въ пансіонѣ почтеннаго Винда! — бѣжалъ на море студентъ Бокъ въ простынѣ и пѣль, а фабрикантъ выставлялъ изъ-за зонта палець и грозился.

Дробно бѣжали, схватившись за руки, сестры Капустины въ голубыхъ матроскахъ, бѣленькія и полненькія, скатывались горошкомъ къ морю, а за ними, придерживая пенснэ, учитель Дроздовъ. Выступалъ съ нотаріусомъ батюшка въ широкой соломкѣ и съ тростниковой сумочкой, и еще, и еще. И едва-едва — толстая нянюшка докторши съ голоногими маленькими, въ бѣлыхъ шляпахъ-грибахъ.

Надъ головой стояло солнце, еще совсѣмъ недавно косившееся изъ-за горы, когда возвращался послѣдній самоваръ на кухонную площадку. Тогда, обжигаясь

³⁶ самъ *вписано*.

³⁷ *Вместо: полотнище - было: полотенце*

кипяткомъ, оба красные, съ мокрыми лицами, пили поваръ и Василій въ тѣни отъ развернутаго на палкахъ³⁸ ковра.

— Хохоль-то оботри, дя-дя... каплетъ въ блюдечко... — говорилъ поваръ, обмахиваясь колпакомъ.

Но если бы и вдвое больше пришлось избѣгать за день по лѣсенкамъ и площадкамъ, а не восемь верстъ³⁹, какъ опредѣлилъ Бокъ по шагомѣру, и не шесть тысячъ самоваровъ поставить за сезонъ, какъ усчиталъ тотъ же Бокъ, и истрепать не двѣ пары скороходовъ за мѣсяць, не пошелъ бы

// л. 7

Василій ни въ кофейную на берегу — «Прогрессъ», гдѣ по вечерамъ нельзя было протолкаться и куда требовался расторопный человѣкъ, ни въ пансіонъ Фикъ-Фока, гдѣ молодець сломалъ ногу и куда сманивали на пятнадцать рублей. И дай теперъ Виндъ не десять рублей, а пять, и даже ничего не давай, никуда не пошелъ бы Василій. Не пошелъ бы, потому что есть въ жизни такое, что не прикинешь ни на какія цифры.

V.

Къ концу мѣсяца затосковалъ поваръ по Москвѣ, — по фонарямъ, по колоколамъ, по внучкамъ.

— Дикая сторона!

Василій говорилъ:

— Климать зато замѣчательный! И притомъ море...

— Море море! Пить мнѣ его, море-то твое?

Здѣсь и время-то было не настоящее: только солнышко-зашло-ночь. И камни подъ ногами — катаются, какъ орѣшки, и дождичка нѣтъ, и мошка кусаетъ.

Угостила его Саша черешнями — пожевалъ и плюнулъ.

— Не видалъ я дряни!

Передъ сномъ присаживался онъ на порожкѣ кухни и смотрѣлъ на море: всегда оно передъ глазами. Море темнѣло, дымное небо за нимъ казалось пустымъ, и чувствовалась страшная даль ото всего. Вспоминалъ, какъ объ эту пору на Пятницкой, сидитъ у воротъ знакомый кучеръ, а когда зажгутъ фонари, пойдетъ въ пивную. И запахъ улицы вспоминался, теплый и густой - покойный.

Темнѣло небо. Звѣзды выплывали — чужія звѣзды. И голоса чужіе: трещало и звенѣло гдѣ-то — кузнецы не кузнецы; уныло кричали у рѣчки — ю-у! ю-у!.. — Богъ ее знаетъ, что за птица.

Проходила домой нянюшка докторши, вела съ гулянья маленькую, голоногую, въ бѣлыхъ туфелькахъ, сонную, тащила за ручку, а впереди старшенькая еще прыгала и лопотала: ла-ла-ла...

И вспоминались внучки — какъ онѣ тамъ?

Съ первыхъ дней не полюбилось повару. Кухня маленькая, тяга плохая, жарница, и прохладиться негдѣ. Спать отвели чуланчикъ, а на стѣнахъ, шутъ ихъ знаетъ, рыжіе какіе-то, волосатенькіе, какъ черви. Еще буренькія какія-то,

³⁸ В тексте ошибочно: полкахъ

³⁹ В тексте ошибочно: вертъ

шустрия, вродѣ ящерокъ. Первое время даже боялся спать: напугаль его Василій, что на смерть кусаютъ. Съ недѣлю въ сапогахъ спалъ, потомъ привыкъ.

Все было плохо.

...На базаръ ходитъ сама Виндиха, а его такъ только, для смотра беретъ: поварь—то у меня воръ, такъ я сама покупаю. А сама синихъ пѣтуховъ покупаетъ, и такую говядину, что въ уксусъ надо держать, чтобы видъ ей сдѣлать. Кабачки да помидорчики съ огурчиками — весь и базаръ. Ну, баранина еще туда-сюда⁴⁰, а цѣну по московскому дупятъ. И до чего народъ непонятный! Упрется — двасать-копѣкъ! — ни-куда! Хоть по башкѣ бей — никакъ! Нѣтъ настоящаго народу. Хохоль какой попадется — та-акъ, степная воротяжка: що да що, а больше ничего. Нанимали на сорокъ персонъ, а выходитъ на шестьдесятъ съ мелочью. Кастрюлищи по ведру, а всего кухонный мальчишка да судомойка хромая. За сорокъ—то рублей! Съ шести до восьми на базаръ, до двухъ у плиты. Только приберешься, посуду заставишь перечистить, — пѣтуховъ шпарить да щипать къ завтраму. Чайку попилъ, то-се, — обѣдъ. А тутъ ужъ и ночь... Василью доходъ, Санюшкѣ доходъ, а повару кто дастъ? Вездѣ заведено, чтобы повару по лавкамъ получать, мѣсячное! А тутъ и лавокъ—то настоящихъ нѣтъ... та-акъ, по кануркамъ кой-чѣмъ торгуютъ и никакихъ обычаевъ не понимаютъ...

Жаловался Василію:

— Нѣтъ тутъ для меня ничего настоящаго, окружили нѣмцы... Было тогда во мнѣ болѣзненное состояніе... подмахнулъ и отъ крайности...

И какъ вечеръ, сидѣлъ передъ моремъ и досадовалъ, что подмахнулъ условіе, и никакими силами не выберешься отсюда до срока. И срокъ этотъ, конецъ сезона, — зловѣщимъ казалось даже это слово — сезонъ, — былъ такой-же пустой и далекій, какъ дымное за моремъ небо.

А условіе было крѣпкое, и подъ нимъ стояла его плетущаяся въ дрожи подпись: Мартынъ Егоровъ Форсенковъ. И всѣ истлѣвающія по складочкамъ рекомендаціи были при условіи, у Винда: и отъ камеръ-юнкеръ Вострухина, съ коробкой, и отъ лучшаго ресторана, и отъ вдовы тайнаго совѣтника Фонтенгросъ. Все забралъ довѣренный человекъ. А хуже всего, что каждый мѣсяць полжалованья должно оставаться въ залогъ до конца сезона, вмѣстѣ съ билетомъ на проѣздъ.

— Ну, ты, Вася, разсуди... могу я требовать?

— Обязательно!

— Спрашивалъ и Сашу, но та отказывалась находу — все куда-то спѣшила, и глаза у ней бѣгали.

— Да конечно... чего-же!

И все чему-то смѣялись глаза ея — морю-ли, солнцу-ли, позолотившему свѣтлые волосы. И точно дальнее что-то видѣли глаза, и не была она тамъ, гдѣ пробѣгала.

— Та-акъ... Чаевыя огребать мастера, а чтобы человекъ

// л. 8

посоветовать... Что я ему, въ плѣнъ дался? Нѣтъ во мнѣ настойчивости, горе мое...

⁴⁰ В тексте ошибочно: тута-сюда

Дивился Василій на повара — слабый какой, хоть и великъ по виду. А что тут посоветуешь! И свое было, цѣпляющее. Говорилъ про Сашу:

— Поговорили-бы вы ей, Мартынъ Егорычъ... Все-таки всѣ мы съ одной стороны, а притомъ вы, какъ старшій... Скажите ей ваше настоящее замѣчаніе, что такъ не годится... Не долго и оборваться окончательно...

— Да-а... каждый только о себѣ, а не то, чтобы... дружно. Ты вотъ скажи, какъ мнѣ себя обещать, чтобы...

Шли съ прогулки учитель Дроздовъ и Свистунъ съ капустинскими барышнями, пѣли:

...Есть блаже-енная страна-а!..

— Василій! Хотите совершить подвигъ?!

— Очень даже-съ!

— По-ставьте самоваррчикъ!

И сны снились повару тревожные.

То ѣхалъ куда-то и упустилъ поѣздъ, остался одинъ на пустой платформѣ, а Василій съ Сашей и саквояжъ уѣхали; то вскакивалъ на подножку, а билета и саквояжа не было. Просыпался въ поту и страхѣ, вспоминалъ, сколько проѣхалъ станцій всякихъ, — и не упомнишь, — далища-то какая отъ своихъ! Разъ даже всплакнулъ въ темнотѣ — старый какой и поѣхалъ куда и на какую работу! Позвалъ какъ-то во снѣ, когда накатило удушье: Машенька! Когда проснулся, слышалъ ясно, какъ звалъ, и не зналъ только, кого звалъ, — жену-ли покойную, дочь-ли Машеньку.

Перваго числа ждалъ все, не позоветъ-ли Виндъ за жалованьемъ, до вечера ждалъ — не позвалъ. Тогда надѣлъ вишневую куртку, — стѣснялся итти черезъ садъ въ пиджакъ, — и пошелъ во флигелекъ, гдѣ жилъ Виндъ съ женой въ маленькой комнаткѣ въ одно окошко. Шелъ мимо открытой веранды, гдѣ кушали чай и читали газеты и слышалъ:

— Поваръ нашъ прогуливается...

Хорошо пахло съ отцвѣтающей бѣлой акаціи и съ олеандровъ. На площадкѣ играли въ лаунъ-теннисъ, и студентъ Бокъ говорилъ часто-часто:

«При-ки-бѣ-ки- жа-ки-ли-ки

«Выз-ки-бу-ки-дѣ-ки-ти-ки...

Смѣялись, а повару думалось, что это надъ его курткой. Слыхалъ онъ отъ Василя, какъ Свистунъ передразнивалъ Винда:

— О, да, да! поваръ у меня замѣчательный, въ плюшевой кофтѣ, да, да!

Фабрикантъ изъ Одессы заканчивалъ день — ходилъ по аллеякъ со стаканчикомъ. Подъ каштаномъ шумно торговали у итальянца брошки. Попался навстрѣчу армянинъ въ серебряномъ поясѣ, встряхнулъ подъ носомъ цвѣтными чадрами, крикнулъ въ ухо:

— Воздюшни товаръ! Молодой жена покупай!

— А ну, тебя, сатана несчастная!

Виндъ сидѣлъ подъ окошечкомъ, между олеандрами, и писалъ въ длинную книгу со счетовъ, а Виндиха варила черешню.

— И какъ?

Поднял голову и какъ-бы издалека вглядывался. Пошелъ и вынесъ двѣ красныхъ. Велѣлъ росписаться въ книгѣ. Тогда поваръ принялся объяснять начистоту. Не то, чтобы начистоту, а рассказалъ про бѣдственное состояніе, про внучекъ, про Вострухина, — къ слову пришлось, — и объяснилъ, что вышло недоумѣніе, подмахнулъ тогда отъ крайности.

— Ну, и какъ?

Тогда поваръ покачался на ногахъ, забралъ воздуху и сказалъ перышку въ рукѣ Винда:

— Шестьдесятъ рублей, если... и на руки всѣ... Вотъ.

Виндъ тоже забралъ воздуху, округлил щеки, проглотилъ и сталъ красный. Виндиха уронила ложку на камушки. Поваръ посмотрѣлъ на ложку и поднялъ.

— Д-да! — оторвалъ Виндъ и выставилъ передъ собой палецъ.

Поваръ посмотрѣлъ на палецъ.

— В-вотъ! Первый... да, да! первый разъ всѣ десять лѣтъ! Вы хотите меня душисть! Сезонъ — и вы хотите душисть!

// л. 9

Втянулъ голову въ плечи, округлился, и отъ этого повару стало самому душно. И вдругъ раскрылся и крикнулъ:

— Добрый вечеръ! Какъ вода?

— Безподобная! — отозвался съ аллеики батюшка, который шелъ съ трефовымъ королемъ съ вечерняго купанья.

— Добраго здоровья, добраго здоровья... — И вотъ... — уже шепотомъ продолжалъ Виндъ, — панзіонъ полонъ, и вы хотите меня душисть!..

— Мы всегда попадались на недобросовѣстныхъ людей! — сказала Виндиха, постукивая по тазику, точно грозила.

Поваръ посмотрѣлъ на ложечку, на варенье, запузырившееся палевой пѣной, и сказалъ хмуро:

— Подгораеть...

— Но! Я не спорный... — продолжалъ Виндъ. — Вы простой человекъ, русскій человекъ... и васъ сманиваютъ! Но у Фикъ-Фока за пятьдесятъ рублей изъ васъ вытряснуть всѣ кости! И тамъ нѣтъ прибавокъ, а у меня! — погрозилъ онъ перышкомъ на тазикъ, — у меня второй мѣсяць вамъ будетъ итти не сорокъ, а сорокъ пять! Да, да!

— Гм... — сказалъ поваръ.

— Третій мѣсяць вамъ идетъ... — поваръ потянулъ воздухъ, — идетъ... сорокъ пять рублей!

— Гм...

— Четвертый мѣсяць вамъ будетъ... идетъ... — Виндъ пригнулъ, точно сломалъ, палецъ, — три четверти жалованья на руки и... хорошія туфли, въ виду камня, что вы сказали, и еще... — взглянулъ на бутылку съ нарзаномъ, — и еще пусть одна бутылка краснаго или бѣлаго вина по воскресеньямъ! И... погодите! И

пятый мѣсяць вамъ идетъ... — это виноградный сезонъ, — пятьдесятъ рублей, какъ копѣйка, и всѣ деньги и билетъ на дорогу! Погодите! И еще... премія!

— Премія?

— Это моя система. Хорошая премія! Тогда, на будущій годъ, живы-здоровы, вы сами прїѣдете въ панзiонъ!

А когда шелъ отъ Винда, смутный, — довольный и недовольный, — встрѣтилъ подвального съ верхняго виноградника, Ивана Гусенко.

Гусенко стоялъ подъ каштаномъ, руки въ карманы, въ⁴¹ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ на затылокъ, посвистывалъ. Кого-то дожидался съ корзиной⁴² бутылокъ.

— Продаешь добро-то? — потрогалъ поваръ ногой корзину.

— За-казъ. Що-жъ у подвалъ не завернете?

- Эхъ, губите вы народъ!

Еще потрогалъ. Пробѣжала къ чайной верандѣ Саша въ голубомъ бантикѣ, пахнуло душистымъ вѣтромъ.

— Падагра, говорятъ, отъ него... а глядѣть — смирныя... — сказалъ поваръ раздумчиво и пошелъ, пошаривая въ карманахъ.

Опять вывернулась съ боковой дорожки Саша, побѣжала съ молочникомъ на кухню. Испугала даже.

— А, вѣтромъ носить!

Она обернулась набѣгу, тряхнула висюльками-жемчугами, вывернула ребрышкомъ шею и посмѣялась. А съ балкона перегнулъ голову учитель Дроздовъ, за самоваромъ и сказалъ наставительно:

— Послушайте, сеньорина! Соболагодите одинъ большой молочникъ не совсѣмъ жидкихъ сли-вокъ!

// л. 10

Она остановилась на каменной лѣсенкѣ кухни, видная отъ каштана, и спросила лукаво, потряхивая сережками:

— Совсѣмъ жидкихъ?..

«А, шельма!» — подумалъ поваръ.

Смотрѣлъ на нее Василий отъ самоваровъ, а надъ перилами углового балкончика выставился грозящій палець, и басовитый голосъ бухгалтера изъ Харькова сказалъ предостерегающе:

— Са-ша, не грѣ-ши-те!

Вечеръ ли былъ особенный, солнце ли садилось за горами въ тучу, — небо за моремъ играло дымнымъ золотомъ. Или проходили тамъ облака? Да, были они. Точно огромный котель кипѣлъ на темнѣвшей водѣ: громоздилось тамъ палевыми клубами, валилось набокъ, какъ крупно взбитая пѣна. Потомъ пропало.

Шла нянюшка, вела голоногую, капризную, страща:

— У-у, страмница больша-ая... на руки просится! Вонъ онъ, дѣдинька-то сидить... Возьми ее, капризницу!

⁴¹ В рукописи ошибочно повтор предложения въ.

⁴² Так в тексте.

— Давай ее сюда, какая-токая? — бурчалъ поваръ съ порожка.

Смотрѣль, какъ уткнулась маленькая въ колѣни широкой нянюшки и заскрипѣла.

— Да, сла-адкая ты моя... Да это поварушка нашъ... котлетку намъ жарить...

Слышалъ поваръ чмоканье, видѣль показывавшую къ <н>ему маленькую руку и вспоминалъ про внучекъ, про кучера у воротъ, про улицу, какъ она, тоже дымная въ сумеркахъ, зажигаетъ крестъ-накрестъ свои фонари. Пошелъ въ чуланчикъ, запряталъ двѣ красныхъ въ саквояжъ, заперъ чуланчикъ и вышелъ во дворикъ. И удивился — какая чернота! Кипарисовъ не видно. Только ярко лежала на землѣ огневая рѣшетка — отсвѣты самоварныхъ поддувалъ.

Пошелъ, крадучись, на огни далеко внизу, влажные огни ночи, какъ въ черной водѣ. Спускался къ городу и слышалъ, какъ звонкій дѣвичій голосъ кричалъ:

— Василий! кровать въ двадцать четвертый надо!..

Въ этотъ вечеръ, запоздно, поваръ ходилъ по набережной, заглядывалъ въ палатки, на татарина, на груды абрикосовъ, на черешню, и все хихикалъ. Шелъ по мостовой и удивлялся, что дождя не было, а грязь. Медленно поворачивался на окрики и грозилъ не въ ту сторону. У кофейни надъ моремъ услышалъ:

— А вѣдь это поваръ...

Погрозилъ къ морю. Присѣлъ на скамеечку къ двоимъ какимъ-то, — темно, не разберешь, — и сталъ рассказывать, какъ хорошо у нихъ въ Москвѣ, и что есть тамъ Сухарева башня и Кремль.

— Во-отъ инте-ресно ка-акъ — все видать! У-ухъ ты-ы! — и чиркалъ по небу.

Молчали на лавочкѣ.

— Ничего по-добнаго нигдѣ нѣтъ! Весь свѣтъ обойдите, пожалуйста... и ничего нѣтъ... такого... А кварталы до-о-роги-и!..

Опять шелъ по палаткамъ и спрашивалъ:

— Орѣхи... по-чемъ? Двасать копѣкъ? Хи-хи-хи...

Снялъ шапку и помолился на столбикъ съ бумажкой въ рамочкѣ, за стекломъ. На уголку объявилъ татарину-старичку, что служить поваромъ въ пансіонѣ.

— Винтъ! хи-хи-и-и... Бываетъ такъ, что!

Звалъ къ себѣ въ гости, въ Москву.

— Прямо... спрашивай — Мартынъ Егорычъ... на Пятницкой... съ уголка второй домъ, съ такими... съ воротами...

Тоненько смѣялся и присѣдалъ. Долго крутился, наконецъ, призналъ синій фонарь на углу и сталъ подыматься въ гору. Рассказывалъ дорогъ и деревьямъ, царапался по забору, отыскивая калитку. Потомъ долго подымался садомъ. У перваго флигеля на него залаяла Султанка⁴³ — устыдилъ.

— А-а? Только при-ди... ошпарю! Своихъ не знаешь? О-шпарю...

Шарилъ по стѣнамъ сарая и разбудилъ Василя. Тотъ отвелъ его въ чуланчикъ и помогъ разуться.

VI.

Сеньорина...

⁴³ *Вместо: Султанка - было: Османка*

Такъ называлъ разъ Сашу учитель Дроздовъ и потомъ называлъ ее много разъ, а когда уѣхалъ къ себѣ въ Воронежъ, другіе продолжали ее называть иногда — просто, иногда — синеглазая сеньорина.

Какъ-то принесла она ему на ночь графинъ воды, а онъ сталъ въ дверяхъ и загородилъ дорогу.

— Куда же такъ поспѣшно?.. Ну-ну-ну...

Въ тотъ вечеръ онъ былъ особенно веселъ, побывалъ въ подвалѣ у Ивана Гусенки и оставилъ на бѣлой груди слѣды пролитаго вина.

Она скользнула подъ его рукой въ дверь, а онъ посмотрѣлъ въ темноту и сказалъ, посмѣиваясь:

— Вотъ... сеньорина!..

Можетъ быть потому назвалъ такъ, что болтались на ея щекахъ венеціанскія жемчужныя сережки. А можетъ быть такъ — попало на языкъ слово.

Она ходила въ бѣломъ передникѣ съ голубой каемкой и въ синей съ бѣлымъ — «морской» — наколкѣ. Солнце обожгло ей щеки и подсушило, а небо засинило глаза. Она носила подарокъ Василя, купленные у итальянца за рубль кораллы, и замѣнила невидную бирюзу крупными жемчугами-висюльками, которые ей совсѣмъ неожиданно подарилъ студентъ изъ угловой комнатки.

Какъ-то сказалъ онъ ей въ сумеркахъ:

— Какая вы, Саша... радостная... На васъ пріятно смотрѣть.

А уѣзжая, подарилъ серьги.

Дня два думала она объ этомъ студентѣ, который ходилъ за цвѣтами въ горы и мало съ кѣмъ говорилъ. Потомъ забыла.

Докторша сказала на балконѣ мужу:

<- Миленькая она...

И когда оглянулась Саша, - про кого это говоритъ докторша, - та, смѣясь, закивала ей.

За мѣсяць она привыкла ко взглядамъ, къ рукамъ, къ намекающимъ шопотамъ и словечкамъ въ догонку, ко всему тому, что называлъ поваръ - «кобельки играютъ». Научилась смѣяться глазами и отвѣчать бойко:

- Да ну васъ!>

// л. 11

Капустинскія барышни накальвали ей бантики, вертѣли за плечи и показывали, какъ надо причесываться. Фабрикантъ консервовъ говорилъ, щурясь, — «спасибо, дѣвочка!» — всякій разъ, когда приносила она ему стаканъ молока въ полдень на солнечную площадку. Лѣсничій изъ Минска, трефовый король какъ-то ущипнулъ ее за щеку, а уѣзжая, далъ три рубля и опять ущипнулъ. Пошутилъ — звалъ къ себѣ въ горничныя, въ лѣса. Былъ онъ сѣдой и грузный, и Саша не любила убирать его комнату, въ которой по утрамъ стоялъ тяжелый и прѣлый воздухъ. Пугалась его тяжелаго взгляда изъ-подъ бровей и совѣстилась подбирать юбку, когда протираала полъ.

Многіе угощали ее черешнями.

Всѣ дни смотрѣло на нее море. Какъ увидала она его съ высокаго перевала, осталось оно въ ней и открывалось каждое утро знакомымъ и новымъ. И горамъ улыбались ея глаза, такъ, незамѣтно со стороны, и смѣялись, тоже незамѣтно, и солнцу, и виноградникамъ на холмахъ, и о чемъ-то думающимъ всегда кипарисамъ, и розовой черешнѣ въ корзинахъ, и дымному за моремъ небу ночи.

Все было ново и радостно въ ней, потому что пришло въ свѣжую пору жизни, когда сердце томительно чувствуетъ и ждетъ, глазъ жадно ищетъ, а ухо въ тишинѣ слышитъ шумы; когда кровь шумитъ, какъ виноградные соки въ бродильняхъ: скоро будетъ вино.

По холмамъ, на сухой, комковатой почвѣ, въ буромъ лѣсѣ тычинъ, лежали зеленые лѣтомъ, краснѣющіе по осени виноградники: тянули изъ сыпучаго шифера густой теплый сокъ, съ солнца — калящій жаръ и наливали грозди.

Надъ пансіономъ, на широкой площадкѣ, былъ рытый въ горѣ подвалъ, за желѣзной дверью, прохладный, въ камнѣ, старый, уже накопившій на сводахъ сверкающіе сосочки. Въ прятномъ дрожжевомъ духѣ лежали у стѣнъ темными грузными рядами пузатые бочки, съ мѣловыми записями на днищахъ, метриками о рожденіи и именами: безпокойныя, шепчущіяся — съ молодымъ виномъ, и молчаливыя, набирающія букетъ, — со старымъ. Бережно укрытая сила будущихъ радостей, легкихъ и свѣтлыхъ, какъ солнца, тупыхъ и тяжелыхъ, какъ земля.

Сюда заходили посидѣть въ пахучемъ холодкѣ, пытливо оглядывали пузатые ряды, пробовали изъ стаканчиковъ свѣженацѣженное, пѣнящееся вино, выдерживали на языкѣ и еще пробовали. И когда выбирались по кривымъ ступенькамъ, жарче смѣялось солнце и зеленѣй били виноградники въ глаза.

Здѣсь пансіонъ бралъ вино: сотернъ, рислингъ, пахнущее розами аликантэ и густое бордо — у подвального Ивана Гусенки.

Здѣсь встрѣтила его Саша.

Она заглянула съ солнца въ прохладную темноту, съ желтенькимъ глазкомъ въ глубинѣ, и различила бѣлѣющее пятно, а когда спустилась по покатымъ ступенькамъ, передъ ней уже стоялъ Гусенко, на голову выше ея, въ задвинутой на затылокъ соломенной шляпѣ, широкой, посмѣивающійся изъ-подъ рыжихъ усовъ. Стоялъ, привалившись къ бочкѣ съ сотерномъ, и гулко постукивалъ крѣпкими⁴⁴ пальцами по днищу. Оглянулъ ноги, бѣлый передникъ и уже потомъ⁴⁵ лицо. А она сейчасъ же почувствовала себя маленькой передъ нимъ, въ огромномъ подвалѣ.

— А здравствуй-те... — сказалъ онъ пѣвуче-⁴⁶лѣниво, не двигаясь и не вынимая руки изъ кармана. — А талончики принесли?

И когда бралъ съ ея ладони талончики, Саша увидала, какая у него большая и волосатая рука-лапа.

— Двадцать бутылокъ... Не донесе-те! — пытливо оглянулъ ее сверху внизъ Гусенко, точно погладилъ смѣющимися глазами и остановилъ взглядъ на играющемъ носочкѣ желтой баретки.

⁴⁴ крѣпкими *вписано*.

⁴⁵ *Вместо: потомъ - было: послѣ*

⁴⁶ пѣвуче- *вписано*.

Она посмотрѣла ему на грудь, прикрытую синимъ⁴⁷ фартукомъ въ бурыхъ⁴⁸ пятнахъ, и попросила скорѣй отпустить — ждутъ къ обѣду.

— Скоренькая ка-кая... Пока сажайтесь.

Вытянулъ изъ-за бочки ящикъ, треснулъ о землю и еще шлепнулъ ладонью — сбиль пыль. Пошелъ куда-то, посвистывая, а она стала читать на днищахъ: сотернъ, рислингъ, сотернъ...

Пряное было въ воздухѣ подвала, острое, какъ изжога, добирающееся къ сердцу. А когда оглянулась Саша къ синему входу, черезъ который падали на ступени золотыя полоски невиднаго снизу солнца, точно только сейчасъ почувствовала наплывающей изъ темноты холодокъ.

— Ну, вотъ вамъ...

Онъ принесъ десятокъ, по пятку въ рукѣ, и самъ уложилъ въ карзину. Потомъ хлопнулъ по бочкѣ — загудѣло, оглянулъ весело, тряхнулъ головой.

// л. 12

— Ка-кія! Васъ два десятка въ одну сложить...

Еще принесъ и уложилъ бутылки.

— А погоди-те жъ...

Сказалъ и мягко, и грубо, точно и приказывалъ, и просилъ ласково, и опять пошелъ на огонекъ, а она посмотрѣла ему на спину.

...Лѣнивый... Хохлы всѣ лѣнивые...

А онъ вышелъ съ граненымъ стаканчикомъ, посмѣиваясь.

— Ну-ка... пожалуйте, на крѣпки ножки...

Она усмѣхнулась и тряхнула сережками.

— Да я не хочу...

— А и всѣ жъ говорить — не хочу. Пришли у гости... нельзя. А вы захочите... Сла-адкое... делика-атное... Ну-ка...

Говорилъ и ласково, и настойчиво — нельзя было отказаться. И совсѣмъ малюсенькій былъ стаканчикъ въ его рукѣ, наперсточекъ, — прятался въ пальцахъ. Она не смотрѣла на лицо, знала, что сѣрые у него глаза и пытаются изъ-подо лба. Взяла стаканчикъ, пожимаясь, чуть-чуть пригубила и закашлялась.

— Э-э... молочко любите... Ну, да я жъ выпью за ваше здоровьице... Щечки шо-бъ були красны, хлазки ясны...

Она подняла тяжелую карзину, но онъ молча вывернулъ у ней изъ руки и въ два шага вынесъ на свѣтъ. Смотрѣлъ сверху, какъ подымалась она, раскраснѣвшаяся⁴⁹, чуть подбирая юбку, чтобы не оступиться. И зашурилась — ослѣпило солнцемъ и синимъ.

— Вотъ... можете гулять по ровной дорожкѣ...

Мягко такъ говорилъ, какъ пѣлъ. А передавая карзину, заглянулъ въ лицо и на шею въ кораллахъ, загорѣлую, худенькую, съ шишечками внизу и свѣтлой ямочкой въ душкѣ. Она скользнула крадучимъ взглядомъ по бѣлому плечу и пошла легко и проворно, стараясь не стибаться. Оглянулась въ полглаза на

⁴⁷ синимъ *вписано*.

⁴⁸ *Вместо: бурыхъ - было: винныхъ*

⁴⁹ *Вместо: ра[з]/с/краснѣвшаяся - было: вся розовая*

спускъ, — онъ все стоялъ, руки въ карманы, высокій, въ задвинутой на затылокъ шляпѣ.

И въ тотъ же вечеръ⁵⁰ пришелъ съ заказомъ, стоялъ подъ каштаномъ и посвистывалъ. И потомъ сталъ заходить часто.

И еще ходила Саша за виномъ въ прохладный подвалъ, гдѣ даже воздухъ былъ пьяный, засиживалась на ящикѣ, а Гусенко посмѣивался изъ-подъ закрученныхъ рыжихъ усовъ, помигивалъ и оглядывалъ всю. Показывалъ, что за бочки. Подпиралъ широкимъ плечомъ и приподымалъ. Набиралъ изъ бочки веселой струйкой въ стаканчикъ, показывалъ на огонь — совсѣмъ пунцовое было вино. Упрашивалъ, поддерживая подъ локоть и заглядывалъ въ глаза. И когда выбѣгала изъ подвала, охватывало жаромъ и ослѣпляло. И весь день была не своя, пьяная съ солнца.

Говорилъ ей Василій:

— По подваламъ гуляете... Очень хорошо!

И хотѣлось стукнуть его карзиной по выгорѣвшей головѣ, дурака.

- Тебѣ, что ли, бѣгать еще?

- Сказали бы и сбѣгалъ!⁵¹

— Мало тебѣ работы!

— Да ужъ, пожалуйста, не сожалѣйте!.. Изъ удовольствія бѣгаете...

Злостью и досадой накатывало. И вдову бѣлотѣлую хотѣлось стукнуть. Вся отечная, а вздумала еще ревновать къ двоюродному брату. Принесла какъ-то Саша⁵² вино ему въ комнату и задержалась — спрашивалъ онъ, деревенская ли или городская; а вдова вбѣжала, красная вся, и обидѣла ни за что:

— Нечего вамъ тутъ дѣлать! подали и ступайте!

И тревожили по ночамъ хоровыя пѣсни съ верхней площадки.

VII.

Черешня прошла, шла пора персиковъ. Виноградъ тронулся въ наливъ, а въ саду пансіона молодежь украдкой потряхивала сливы. Пошли душныя ночи съ тихими грозами за моремъ — іюльскія зарницы.

Въ эти ночи надъ пансіономъ раскатывались отъ подвальной площадки пѣсни и смѣхъ, и видно было, какъ въ лунномъ столбѣ на морѣ проходили черными пятнами баркасы.

...«Неначе чо-о-вень въ си-и-німъ мо-о-рю»...

Пѣли морю. И днемъ бы пѣли, если бы не было такъ жарко. Вѣдь и днемъ хорошо оно, спокойное, въ солнцѣ, все — голубой блескъ, серебряное сверканье. А въ вѣтеръ — строгое, густо-синее, — бѣлыми хлопьями закипающій просторъ.

А теперь, на тихой лунѣ, задумчивое, прячущее синій цвѣтъ свой, играющее чешуей, въ серебряномъ кольцѣ на дальнемъ, поднявшемся краѣ.

⁵⁰ *Далее было:* опять

⁵¹ - Тебѣ, что ли, бѣгать еще?

- Сказали бы и сбѣгалъ! *Вписано.*

⁵² Саша *вписано.*

А горы! Всегда разныя и всегда тѣ же: покойная сила и настороженное молчаніе. А ночное небо и звѣзды, играющія по морю стрѣлками! Смотрить изъ-за чернаго гребня немерцающій красный глазъ, а на восходѣ утрення звѣзда стоитъ на маковкѣ — тихій, поставленный на горахъ свѣтъ.

Учитель Дроздовъ зналъ много стихотвореній, и его просили читать при лунѣ, съ подвальной площадки, откуда далеко видно. Онъ читалъ, сложивъ на груди руки и отвалившись въ плетеномъ диванчикѣ, а лунный свѣтъ заливалъ все, игралъ и въ глазахъ, и на носочкѣ палеваго штиблета, и на зачесанной на косою проборѣ, слегка на помаженной головѣ.

// л. 13

...«Кричу я въ блещущій просторъ:
«О, Море!..

Вспыхивали сухіе хлопки, а снизу казалось, что рассыпали наверху камешки. А когда расходились, въ смѣхѣ и гомонѣ, не думая ни о чемъ, дурачащіяся, пѣли уснувшимъ семейнымъ⁵³ комнатамъ:

«На дворѣ случилась драка-драка-дра-а-ка.
«По-о-о-дралися мужъ съ женой-ной-ной...

Въ эти ночи поваръ томился отъ духоты въ чуланчикѣ и выбирался на волю — захватить воздуху. Садился на ящикъ, у сарая, прислушивался⁵⁴ къ пѣснямъ съ горы, къ шуршанью Василия за стѣнкой.

— Ай не спишь?

— Да что... не спится... глухо отвѣчалъ Василій.

— Слушаю я слушаю, — нѣтъ нонѣ настоящихъ голосовъ... черезъ природу чтобы... Слушаешь ты, ай нѣтъ?

— Ну, слушаю!

— Нѣтъ голосовъ! Такъ видно, что ученые голоса, а нѣ-эть... отъ души чтобы... А вотъ, лѣтъ тридцать будетъ, служилъ я въ миронинскомъ трактирѣ, на Нѣмецкомъ рынкѣ... во-отъ! Поварокъ былъ, царство ему небесное... Во-отъ! Всѣ верха перешибалъ, нѣтъ выше! Изъ-за этого тракти-иръ работа-аль... Вызывали въ общую пѣть — кончай всѣ дѣла! Бѣгаемъ⁵⁵ всѣ... Квартальные приходили... Разъ даже польцимейстеръ прикатилъ, сидѣлъ со всѣми... Красенькую⁵⁶ выкинулъ. Ну, и пѣ-эль! А потомъ въ горлѣ что-то оборвалось, и говорить никакъ не могъ. И зачахъ, и зачахъ... Всѣмъ трактиромъ хоронили...

Молчали. Слушали, какъ звенить и стрекочеть подъ горой въ деревьяхъ.

— Въ грудяхъ вотъ душить и душить... и сна нѣтъ... — опять заговаривалъ поваръ, которому хотѣлось поговорить. — Слушаешь ты, ай нѣтъ?

— Ну, слушаю...

⁵³ семейнымъ вписано.

⁵⁴ В тексте ошибочно: прслушивался

⁵⁵ В тексте ошибочно: Бѣгемъ

⁵⁶ В тексте ошибочно: Красенькую

— Сна, говорю, нѣтъ. А твое дѣло что, за день-то набѣгался — спать бы да спать. Отъ дури и не спишь.

Зѣвалъ протяжно, съ прихрипываньемъ. Опять молчали.

— Это вы неправильно, Мартынъ Егорычъ... Никакой человѣкъ въ себѣ неволень... Разъ я вижу, что... Теперь ужъ и по ночамъ стала гулять...

— Ну что-жъ, разъ ей требуется... Всѣ вонъ гуляютъ. Ужъ это, братъ... каждая дѣвка свою пору знаетъ... ну, и гуляетъ. Противъ этого и силы нѣтъ.

— Вчера говорю: Александра Петровна! Да что⁵⁷ ужъ...

— А ты пореви... Очень ты ей нуженъ, стало быть. Въ этомъ дѣлѣ каждый по своему вкусу ищетъ... Вотъ облюбуетъ себѣ помирнѣй какую — и пойдетъ дѣло. Я, братъ, на эти дѣла вотъ сколько насмотрѣлся... Вотъ у камеръ-юнкеръ когда, у Вострухина... цѣльный переулочекъ домовъ у него и въ балкахъ во всѣхъ капитала, а не ндравится супругъ — ни-какъ! Ужъ чего не сотворилъ съ ней — нѣтъ и нѣтъ. За глотку хваталъ — ни-какъ не могъ расположить... Во-отъ! Отѣхала отъ него къ полковнику и теперь очень хорошо живетъ. Это, братъ, какъ сапогъ: хорошъ, а не лѣзетъ...

Гудѣлъ на морѣ пароходъ, показывалъ огни.

— И все-то ѣздютъ, и все-то ѣздютъ... Да-а... я, братъ, всего повидалъ... мудреное дѣло... А спишь?

Забиралъ воздуху и уходилъ въ чуланчикъ.

А въ свѣтлыхъ виноградникахъ гуляла Саша. И было все, какъ во снѣ: горы прозрачныя, въ лунной дымкѣ, домики на холмахъ, какъ серебряныя, и виноградники — залитые стекляннѣмъ блескомъ.

Гуляла до зари, до свѣжей росы, забывъ день.

А дни шли и шли, вливаясь одинъ въ другой, похожіе. Только и случилось, что увидалъ Василій подъ вечеръ разъ, какъ хлопнула Саша по спинѣ Ивана Гусенко, а онъ обернулся и погнался за ней по кипарисовой аллеикѣ. Весь вечеръ ходилъ Василій, какъ въ воду опущенный, а къ ночи не выдержалъ и попенялъ Сашѣ:

— Значить, ужъ и стыдъ потеряли! Теперь ужъ и на людяхъ стали безобразничать? Себя-то бы поберегли!

— А хочу вотъ! Для тебя, что-ль, беречь-то!

— О-чень замѣчательно!

И еще случилось: два дня пропадалъ поваръ⁵⁸.

Получилъ на первый Спасъ жалованье и пошелъ въ городъ — купить по мелочи. Нашелъ гдѣ-то себѣ товарища, слесаря, — прямо ду-ша — человѣкъ! Былъ и въ ресторанѣ «Судакъ», и въ турецкой кофейнѣ, и въ погребкахъ. Рассказывалъ потомъ Василю:

— Показалъ мнѣ слесарь всѣ пункты. На гору водилъ... вы-ы-со-о-кую!

День спали на горѣ, а къ вечеру перебрались на берегъ — ночевать.

— Такой человѣкъ необыкновенный, очень хорошо про жизнь понимаетъ... Поговорили мы съ нимъ, отвели душу. — «Сидите, — говорить, — Мартынъ Егорычъ, а я для васъ послужу»... — За водкой за двѣ версты гонялъ!

⁵⁷ что вписано.

⁵⁸ В тексте ошибочно: поваль

Быль въ пансіонѣ переполохъ — самъ Виндъ ѣздилъ по городу, разыскивалъ. И Василій разыскивалъ, и татарчонокъ, а обѣдъ готовила Виндиха. И совсѣмъ потерялся слѣдъ повара, но пришелъ фотографъ и сообщилъ, что видѣлъ челоѡвка въ вишневои курткѣ версты за три отсюда, на берегу: сидѣлъ съ турками-рыбаками и еще какими-то. Послали Василю на извозчикѣ.

И все было такъ, какъ рассказывалъ фотографъ: поваръ сидѣлъ въ компани и пилъ водку. Упрашивалъ его Василій<:>

// л. 14

— Мартынъ Егорычъ, нехорошо такъ... Поѣдемте, Мартынъ Егорычъ... За вами вотъ даже и извозчика прислали...

— Не поѣду, Вася... — ласково отвѣчалъ поваръ. — Зачѣмъ мнѣ ѣхать, когда мнѣ и здѣсь хорошо, съ товарищами! Съ хорошими людьми...

- Виндъ сердится, Мартынъ Егорычъ... пансіонъ безъ обѣдовъ сидитъ...

— Ага-а! За-пѣли! хи-хи-и... А и вотъ... море смотрю... сине-море... И Османъ-паша тутъ... — хлопалъ по спинѣ старика-турку, съ тряпкой на головѣ, — и... огурчики у насъ... и...

Объ этихъ дняхъ часто вспоминалъ поваръ — хорошо было. И море тогда повидалъ какъ слѣдуетъ. Одно только было плохо: пропала у него тогда трешница изъ сапога, а и сапога не снималъ. И чуть-чуть вспоминалось — какъ-будто зеленая волна плескалась у самыхъ глазъ, какъ-будто купался. А можетъ быть и во снѣ приснилось.

Мѣнялись въ пансіонѣ жильцы и все были, какъ будто, тѣ же. Уѣхалъ въ Кисловодскъ фабрикантъ консервовъ, а на смѣну ему прибылъ изъ Кіева докторъ по женскимъ болѣзнямъ, такой-же толстый и такъ-же цѣлыми днями лежалъ на диванчикѣ подъ бѣлымъ зонтомъ и читалъ газеты. Отѣхала и вдова съ двоюроднымъ братомъ, увезла въ большихъ чемоданахъ свои покупки, а ея комнату заняла барыня съ синемъ и тонкоусый⁵⁹ техникъ путей сообщенія. Трефоваго короля замѣнилъ осанистый господинъ съ пышными волосами, съ просьдью, принятый, было, за профессора, а черезъ два дня узнали по паспорту, что это протодіаконъ изъ Ростова, и стали звать протодіаконъ-инкогнито. На мѣсто студента Бока завернулъ отдохнуть на недѣлку веселый страховои агентъ со странной фамиліей — Раскати-Горохъ. Осипъ Сергѣичъ, съ первыхъ-же дней зашутилъ и сталъ своимъ челоѡкомъ. И стали его звать даже — Озябъ Сергѣичъ. Шумно проводили въ далекую Сибирь барышень Капустиныхъ, и тѣ всѣмъ обѣщали писать и непременно пріѣхать на будущій годъ, а съ дороги прислали телеграмму. Послали отвѣтную: «Съ береговъ лазурнаго моря солнечный привѣтъ отъ всѣхъ Дроздовъ». Этому долго смѣялись.

Раза два по ночамъ проходили бурныя грозы съ моря, и всѣ шли дни черезъ пансіонъ армяне и итальянцы, старички съ пестрыми камушками въ мѣшочкахъ, старыя татарки съ бабушкиными чадрами и ковриками, худенькія дѣвушки съ арфами и губастые желтолицыя молдаване съ обезьянками.

⁵⁹ В тексте: тонкоусный

Желтѣли горы, синѣло море, свѣтило солнце, и всѣмъ казалось, что сегодня воскресный день.

VIII.

Затрещали ранними утрами сойки по виноградникамъ, зачвокали вороватые дрозды. Зажелтѣло и закраснѣло солнечными зажогами. Бережно понесли съ холмовъ груды зыбкаго винограда⁶⁰ и упругаго въ плотныхъ гроздьяхъ. Обвѣшали палатки кистями и крупной, въ китайское яблоко, рябинкой. И вездѣ виноградъ и виноградъ — и въ камняхъ, и въ морской волнѣ, и въ пыли.

Загремѣлъ сезонъ.

Ждали чего-то особеннаго — виноградный сезонъ, виноградный сезонъ! — Но ничего особеннаго не было. Только всего и было, что стали продавать и ѣсть очень много винограду. Вездѣ ѣли: и въ комнатахъ, и на волѣ. Зашумѣли шелка, засквозили на цвѣтныхъ чехлахъ кружева. Схлынули капоты и блузки, и уже не пѣли по ночамъ съ подвальной площадки — развѣхалась веселая компанія. И похлопотливѣй стало.

Василій жаловался:

— Не отметишься! Вездѣ-то надавлено, пакеты, ягоды катаются...

Жаловался и поваръ:

— За семьдесятъ душъ пошло!

Захлопоталась⁶¹ съ посудой Саша: то тарелки, то стаканы — сокъ изъ винограда давить. Прибѣгала на кухню, громыхала, говорила скоро-скоро, попрыгивающими словечками:

— И все-то вы жаритесь, Мартынъ Егорычъ! А на морѣ-то что дѣлается!.. Какъ кипень бѣлое...

А разъ подбѣжала сзади и потрясла за плечи.

— Скоро и домой поѣдете, Мартынъ Егорычъ! Немножко теперь осталось!

— Дай Богъ терпѣнья. Да-а, опять будемъ чаекъ попивать... А ты когда и забѣги въ Москвѣ-то... Дочка у меня и хорошія платяя можетъ...

— Ну, что же... А я вотъ возьму да и не поѣду съ вами...

— О! Вино, что-ли, пить будешь?

— А вотъ... возьму и останусь!

Поглядѣлъ на нее поваръ — прямо, какъ пьяная.

— Много больно винограду сосешь...

— Да каждый день фунта по четыре съѣдаю. Въ Москвѣ-то такого и отъ роду не видала...

— Ты не видала, а я всякій ѣлъ.

А то приносила полную карзиночку и угощала:

— Покушайте-ка, Мартынъ Егорычъ... Педра — называется. Хоть кисточку возьмите...

Поваръ бралъ.

// л. 15

⁶⁰ винограда *вписано*.

⁶¹ В тексте: Захлопаталась

— Ничего, сладкій...

Василій не бралъ.

— Благодаримъ-сь. Я свой собственный, на свои трудовыя, а чужого мы не ѣдимъ-сь...

Каждое утро въ ея комнаткѣ стояла карзиночка съ самымъ сахарнымъ, съ лучшей лозы: не съѣшь всего.

Спрашивала лукаво:

— Что-же вы, Мартынъ Егорычъ, въ подвалъ не ходите?

— Не съ кѣмъ мнѣ тамъ цѣловаться потому.

Подхватывала себя подъ животъ, перегибалась, играя сережками, закатывалась.

— Учитель какъ разъ полетѣлъ оттуда... по лѣсенкѣ-то... ха-ха-ха...

— Разбираетъ дуру... Погоди, я тебя скалкой вотъ...

Не любилъ поваръ вспоминать, что было. А въ подвалѣ онъ былъ разъ. И ничего тутъ смѣшного нѣтъ, если человѣкъ разокъ какой и ошибется, вздохнетъ посвободнѣй.

Былъ онъ въ подвалѣ, ходилъ по пузатымъ рядамъ и хвалилъ все устройство. Одобрялъ, что — «главное, холодокъ, — вотъ что дорого». Постукивалъ въ днища, интересовался:

— А тутъ, что за штука будетъ? А-а... со-тернь? А ну-каси, насоси черезъ машинку...

Спрашивалъ, какое вино чѣмъ замѣчательно.

— А-а, сухое? Ну-ка, что за сухое такое... Да зна-ю, что безъ сахару! А какъ оно у тебя... чистое, или добавляете какихъ средствъ?.. Ничего себѣ... Али-канте? Никогда не отказываюсь... И все изъ виноградушки дѣлаете?! Во-отъ... Всякіе сорта!..

Выпрямлялся и окидывалъ темныя, молчаливыя бочки.

— Только не говорятъ! Господи ты Бо-же мой! И что его тутъ! А въ махонькой-то что? Мал-ла-га-а...

Потомъ пѣлъ вмѣстѣ съ Гусенкой:

«Ой ходыла дівчина бережко-омъ!..»

Трудно было выбратъся изъ подвала — кривыя ступеньки. Выводилъ Гусенко, поддерживалъ подъ спину.

— А входъ... у тебя... не... значительный... Ой, ходы-ла...

По пансіону велъ подъ руку Василій, а поваръ кричалъ, размахиваясь:

— Ви-интъ! Я тебѣ не гайка!..

Потомъ Саша принесла ему карточку — снялъ его тогда баринъ въ аппаратъ. Поваръ спряталъ карточку — кучеру когда показать, какія дерева замѣчательныя. А смѣются — Богъ съ ними.

Дозрѣлъ и миндаль — захрупало подъ ногами. Пообивали орѣхи съ высокихъ деревьевъ. Посыпали татарчата съ горъ, съ ножами на поясахъ, зашумѣли по виноградникамъ — рѣзали на вино. Таскали на спинѣ тяжелыя бадьи, доверху набитыя сочащимися кистями, валили въ чаны. Пустѣли виноградники на холмахъ — отдали все свое. Теперь будетъ вино.

Потянуло опьяняющимъ духомъ сула, тяжелымъ, безъ аромата. Все придетъ въ свою пору, будетъ и аромать, — только перебродить, повыдержится въ темныхъ бочкахъ, отсякнетъ и посвѣтлѣетъ. Будетъ играть и дастъ чудесный букетъ — вотъ только пройдетъ время. А опустошенные виноградники, залитые осенними дождями, растрепанные, растрескавшіеся по корѣ, выпрямятся подъ солнцемъ, новые, и опять будутъ набирать сокъ и жаръ и наливать грозди. И новое вино будетъ, свѣтлое и темное, — кому что нужно.

Заяснѣли горы, а море стало синѣй и строже — пошли штормы. Пустѣль пансіонъ — проходила виноградная пора.

Только одинъ новый жилецъ пріѣхалъ, чиновникъ Сусельниковъ. Ходилъ по дорожкамъ, покашливая, тулился въ затишьи, на солнышкѣ, поднявъ воротникъ драповаго пальто, и сосалъ толстокожій чаушъ, потому что уже подобралась шасла и подорожала. А когда спрашивали его, что-же поздно, — очень вѣжливо отвѣчалъ:

— Такъ, знаете... отпускъ такой... А развѣ уже и не будетъ теплой погоды?.. Говорятъ — будетъ...

А по ночамъ ежился въ комнаткѣ на горѣ, откуда шумѣло и шарахало по стѣнамъ вѣтромъ: равно пахнуло холодомъ и выпалъ снѣгъ на горахъ.

Уѣхалъ подвальный Иванъ Гусенко, уѣхалъ воровски, даже не простился.

— Прогналъ-бы его все равно... не чистъ былъ на руку! — сказалъ винодѣль Сашъ.

Весь день бѣгала она по городу, все искала, а къ ночи забила въ комнату. Слышалъ поваръ, какъ плакала она за стѣнкой, думалъ, — что-же въ чужія дѣла мѣшаться! А потомъ раздумался, что нѣтъ у ней никого здѣсь, кто сказалъ бы слово другое, — женское это дѣло! — Пошелъ къ ней, увидалъ, какъ лежитъ она, уткнувшись въ розовую подушку, присѣлъ на ломкой ея кровати и сталъ уговаривать.

— Что-жъ убиваться-то! Закружилась, такъ...

Посмотрѣла Саша на повара. Сбилась ея прическа, напухло красными пятнами подъ глазами, встряхивались на щекахъ висюльки. Видѣлъ поваръ, какъ скатываются по щекамъ совсѣмъ круглыя слезы, — дѣтскія слезы, которыя всегда крупно выкатываются. Не мелкія, ѣдучія, какъ осенній дождикъ, а крупныя, какъ горохъ, какъ вешній градовой дождь. Такія слезы онъ часто видалъ у внучекъ — горькія.

И когда смотрѣлъ онъ на эти слезы и вздрагивающія, пухлыя и яркія губы Саши, казалось ему, что это до перваго солнышка: только провести рукой по мокрымъ глазамъ, сказать ласково-ласково, и сейчасъ-же утѣшится.

Говорила Саша, встряхиваясь въ рыданьяхъ, — точь-вточь, какъ обиженная до горечи внучка Оля:

— У-утромъ видѣла... двадцать рублей взялъ... одежду надо... но-новую...

— И нечего плакать. Видишь, что шантрапа! Вотъ и отвѣдала сладости... Всѣ вы такія... Поманилъ⁶² какой — го-тово дѣло...

И опять падала Саша въ подушку.

— Польстилась, что дюжь, какъ битюгъ! Прямо, бить тебя, дуру, мало! Ну-ну, не убивайся... Боишься, что замужъ не возьмутъ? Во-зьмутъ, не уродъ какой. Не здѣсь, такъ въ Москвѣ-бы наскочила, — дѣло извѣстное. А ты слушай, что скажу-то... Да слу-шай!.. Вотъ тоже и съ дочкой у меня-то такъ-то... съ техникомъ съ однимъ сошлась, ну и... А потомъ за закройщика вышла и такъ-то хорошо жили до самой до его смерти...

— Го... говорилъ... вмѣстѣ будемъ... будемъ тутъ...

— Чего ему не говорить! Домой вотъ скоро ѣхать, а ты такъ... ревешь... Ну, сиротиночка ты моя... Женщинѣ-бы какой тутъ поговорить, да нѣтъ никого. И ни отца, ни матери... А что тетка! У меня тетка была, копѣчки не упростишь...

Смотрѣлъ, какъ зарывается Саша головой въ подушку, тискаетъ уголокъ пальцами.

— Еще наживешься. Отвѣдаешь всего... А, главное дѣло, перемогись. Какъ денекъ перемоглась — сейчасъ легче. А черезъ недѣлку и домой покатымъ, опять чаекъ будемъ попивать... Къ намъ когда зайдешь... у меня не уголь какой, а квартера... А Маша моя сейчасъ тебѣ всѣ резоны, все укажетъ... Обой-дется! А такъ чего-же? И глаза вылиняютъ, и... Да ты теперь кого хочешь зашибешь... совсѣмъ ужъ у тебя... другое развитіе...

Утѣшалъ, какъ умѣлъ.

IX.

Сегодня они уѣзжали.

День всталъ солнечный, по осеннему яркій, хоть и свѣжій, съ вѣтромъ, и повару казалось, что сегодня воскресенье. Къ девяти хорошо разогрѣло, а ночью былъ первый заморозокъ, ранній, — замерзла вода въ забытомъ на волѣ стаканѣ. Празднично было въ аллеикахъ и на площадкахъ, тихо, позванивали⁶³ синицы. Еще цвѣли кой-гдѣ позднія розы.

Пріодѣлись по праздничному. Василий надѣлъ московскіе сапоги, начистилъ до жару; вычистилъ и повару по дружбѣ — все равно, дѣлать нечего. Уложили свой скарбъ. Прибавилось кое-что. Василий пріобрѣлъ пять фунтовъ хорошаго табаку, трехрублевого, по семь гривенъ — нельзя не взять. Понабавилось добра и у Саши: шарфики разные, туфельки. Да и у повара саквояжикъ раздулся. Везъ пять бутылокъ вина, купленнаго у подвального за самую пустяковину, — по двугривенному! Быть въ такомъ мѣстѣ да не привезти вина! Камушковъ пестренькихъ везъ — внучкамъ играть; шишекъ набралъ кипарисовыхъ — занятныхъ, какъ бубенчики.

Виндъ позвалъ за расчетомъ, каждому объяснилъ по книгѣ, сколько забрано, сколько осталось, спрашивалъ каждого — вѣрно? — и отсчитывалъ по два раза на ихъ глазахъ деньги. Сказалъ на прощанье:

⁶² В тексте ошибочно: Команилъ

⁶³ На полях слева написан вариант: поцилькивали

— Я очень доволенъ, да, да! И гости были довольны... Живы-здоровы, на другой годъ вы можете прїѣхать сюда... старые и знакомые... И вотъ мы на прощанье... вотъ...

Тутъ онъ вышелъ изъ-за столика и снялъ газеты съ чего-то, что стояло на камушкахъ, у стѣнки. И они увидали новенькія карзины съ виноградомъ, желтымъ и синимъ, — наполовину.

— Вотъ... это — премія! Я вамъ говорилъ... Въ каждой ровно по двѣнадцати фунтовъ. У Фикъ-Фока вамъ не дали бы и по ситцевой рубашкѣ! Вы свободны и можете сходить и закупить себѣ. Васъ отвезутъ ровно въ часъ... Я очень доволенъ, да, да!..

Они поблагодарили и понесли свои карзины.

Потомъ отправились на набережную — закупить кой-чего. Зашли въ магазинъ «всѣхъ вещей», и поваръ купилъ двѣ коробочки съ ракушками, подъ стекломъ, — для внучекъ; дочери Машѣ — пятнастый шарфикъ, а себѣ хорошую суковатую палку изъ груши⁶⁴. Саша купила мягкія, татарскія туфли теткѣ — у тетки болѣли ноги. Для себя ничего не купила: было у ней три шарфика и брошечки, подарокъ барышень Капустиныхъ, итальянское колечко съ краснымъ камушкомъ — отъ подвального, сережки отъ студента, — много всего.

Прошлись по пристани, посмотрѣли, какъ бьетъ зеленой волной. Посидѣли на скамеечкѣ, поглазѣли на покачивающуюся на якорѣ одинокую шхуну. Качалась она въ раздумьи, чертила высокой мачтой по синему небу, точно дивилась чему или пробовала, какъ якоря. Совсѣмъ не видно было прїѣзжихъ. Грузили турки бочки и ящики на фелуги для парохода да на концѣ пристани стоялъ чиновникъ Сусельниковъ и смотрѣлъ на волны. Ълъ виноградъ, поднявъ воротникъ драповаго пальто.

— Чего зря сидѣть-то... сказалъ поваръ. — Вѣтрено.

Съ Василя сорвало картузь и погнало по пристани, — чуть было не снесло въ море. Догналъ, наступивъ ногой.⁶⁵

На набережной понесло въ глаза соромъ, гнало подъ ноги сѣрые виноградные пакетики — скребло.

// л. 17

Когда подымались къ пансіону, поваръ спросилъ Сашу:

— Ну, какъ, Санюха? Хочется въ Москву-то?.. а?

Саша не отвѣтила, смотрѣла на холмы. Желтые и мѣстами въ багрянцѣ смотрѣли на нее виноградники, поблескивая завернувшимися на вѣтру листьями. Шумѣло въ нихъ осенью и сквозило.

На станцію везъ тотъ же Ибрагимъ на линейкѣ, и тѣ же были пѣгіе лошади, съ вытертыми плечами. На перевалъ подымались долго-долго, а густо-синее море опускалось и становилось все больше, больше... Оборачивались — гдѣ пансіонъ? И какой онъ маленькій сталъ, чуть виденъ. И какіе маленькіе холмики, какіе бугорки, желтенькіе, пестренькіе... Зато какое большое открылось море! Нѣтъ

⁶⁴ Вместо: груши - было: кизиля

⁶⁵ Догналъ, наступивъ ногой. Вписано.

конца. А городокъ — капельный–капельный, точно брошенная на край синяго простора яичная скорлупка. И черной соринкой казалась оставшаяся покачиваться на волнахъ шхуна. Какъ все мелко, невидно съ высоты, плоско, пусто.

На перевалѣ охватило вѣтромъ и холодомъ съ горъ, со снѣговъ, выпавшихъ за ночь и не сдутыхъ. Затрепало черную косыночку на Сашиной головѣ. Только держи картузь.

Смотрѣли съ перевала на море. Въ послѣдній разъ! Богъ съ нимъ. А хорошо... Смотрѣла Саша, закусивъ губку. Ничего не видно — синее, синее только. Смотрѣли, пока Ибрагимъ подкладывалъ тормазъ — теперь спускаться, катить за горы. Смотрѣли, а синее опять вливалось въ глаза, и теперь уже никогда не уйдетъ — другое, строгое, заолодавшее море.

Опять брали кипятокъ на станціяхъ. Рѣдко выходили. Чего выходить, когда теперь все извѣстно. Только поваръ не пропускалъ буфетовъ и требовалъ пару мѣрныхъ. Спали плохо за тѣснотой, кое–какъ размѣстили свои корзины. Ночью опять мучилъ повара кашель, томило удушье. Сидѣлъ онъ въ полутемномъ вагонѣ и смотрѣлъ на окно, за которымъ летѣли искры. Видѣлъ, что и Саша не спитъ — лежитъ на спинѣ, закинувъ руки.

— О, Господи...

За Харьковымъ засвѣжѣло, а по утру увидали, что идетъ дождь — мокры крыши, черны голыя деревья.

Кто–то предупредилъ, что изъ карзинки сочится, и посовѣтовалъ перебрать виноградъ, повыкинуть мятый. Стали перебирать: мятаго было много, — нѣжный сортъ, спѣлый. Раскладывали на газетѣ, выбирали и ѣли мятый.

— До дому–то, гляди, и поѣдимъ... — шутилъ поваръ.

Толкнулъ Василю, подмигнулъ на Сашу: низко нагнулась она надъ разложенными на газеткѣ кистями.

— Ну, какъ? Въ швейцары будешь пріискиваться или опять по номерамъ?

Василий поглядѣлъ въ окно на пустыя поля.

— Да вѣдь... у брата пока до мѣста... только тѣсновато, конечно, у него... въ парадномъ подъѣздѣ, и всетаки семья у него... Время–то теперь октябрь! Теперь уже всѣ швейцары при мѣстахъ... Можетъ опять въ номера куда...

Поглядѣлъ на Сашу.

— А вы куда себя располагаете, Александра Петровна?

Саша подумала, тоже посмотрѣла къ окну.

— Къ тетѣ пока, до мѣста...

— Вотъ и хорошо, — сказалъ поваръ. — Всѣ и при мѣстахъ. Ну, а я, братики, уже прошелъ свой кругъ... Я теперь прямо на собственную квартиру, на печку...

Защурился и посмѣялся тоненько–тоненько.

Поглядѣлъ въ окошко — Москва видна. Та–акъ, чуть–чуть. Сыпало крупкой по стекламъ, бѣлѣло по крышамъ полосками. Да и пора — октябрь.

— Слава тебѣ, Господи...

Простились на вокзалѣ, поцѣловались. Поваръ спросилъ Сашу:

— Можетъ, когда и заглянешь?.. Ну, вотъ, вотъ...

Василий сказалъ:

— Ужъ я вамъ помогу, Александра Петровна, съ узелкомъ-то... По дорогѣ намъ — мнѣ на Басманную, а вамъ къ Разгуляю...

— Вотъ ты ее и доставь, какъ хорошій кавалеръ... — сказалъ поваръ.

Посмотрѣлъ, какъ посажались они на извозчика, и пошелъ, покрикивая:

— На Пятницкую, три гривенника!..

Ив. Шмелевъ.

// л. 18